

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ АНТРОПОЛОГИИ «СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА» ПЕРИОДА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Аннотация. Задумывая тему номера, выпускающие редакторы исходили из антропологического измерения социалистического и постсоциалистического обществ. Опираясь на историографическую литературу, поставили вопрос о правомерности понимания социалистического человека периода «холодной войны» по формуле А.П. Чехова как «человека в футляре», замкнутого и настроженного по отношению к внешнему миру. Научная гипотеза дискуссии заключается в том, что советские — по гражданству, образованию и самосознанию — люди имели много общего с обывателями других современных обществ: тягу к моде, западной поп- и рок-музыке, альтернативным научным теориям и восточным единоборствам, отличные от нормы сексуальные идентичности и практики, живой интерес к международной жизни и т.д. В связи с этим выпускающие редакторы нацелили участников обсуждения на размышления о том, каким образом идеологический и политический контекст «холодной войны» оказал влияние на развитие советского человека, возможно ли утверждать о неизменности основных черт социалистического образа жизни в данный период. Наконец, какие черты «советскости» сохранились в постсоциалистических обществах, можно ли их, собственно, назвать «постсоциалистическими», и, в целом, каковы место и роль «социалистического» в современном мире.

Ключевые слова: советский человек, социалистическая личность, советское общество, позднесоветское общество, социалистическое общество, «холодная война», общество, власть, идеология, история СССР, историческая память.

Цитирование: Мохов С.В., Пономарева М.А., Фокин А.А., Чернявская Ю.Ю., Чуев С.В. Междисциплинарные измерения антропологии «советского человека» периода «холодной войны» // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 4. С. 214–272. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-214-272 / Mokhov S.V., Ponomareva M.A., Fokin A.A., Chernyavskaya Yu.Yu., Chuev S.V. Interdisciplinary Measurements of Anthropology of the "Soviet Man" of the Cold War Period, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2021. No. 4. Pp. 214–272. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-214-272.

© Мохов С.В., Пономарева М.А., Фокин А.А., Чернявская Ю.Ю., Чуев С.В., 2021

Вопросы дискуссии:

1. Понятия «советский человек» и «социалистическая личность» возникли и в течение многих десятилетий использовались фактически исключительно в идеологических (советских или антисоветских) контекстах. Оставляет ли это хоть какой-либо аналитический потенциал данному понятию, или его предшествующая политизация неизбежно затрудняет его использование для научного понимания советского общества?
2. Предполагает ли понятие «советский человек» географическое, национальное, социальное и религиозное разнообразие советского общества? Можно ли считать «советскими людьми» диссидентов, членов религиозных и националистических движений, молодежь с рабочих окраин, представителей субкультур и т.п.?
3. Можно ли говорить о закрытости социалистических обществ и особенном характере «социалистической личности» как «личности в футляре», огороженной от внешнего мира и развивающейся под воздействием государственной и партийной идеологии?
4. Каково было влияние идеологического противостояния между СССР и странами Запада, в частности, «холодной войны», на становление и развитие советского человека и общества?
5. Сохранились ли черты советского человека и общества в постсоветский период? Можно ли говорить об их воспроизводстве, усилении или угасании?

Участники дискуссии:

Мохов Сергей Викторович, кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук.

Пономарева Мария Александровна, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории XX–XXI вв., и.о. директора, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет.

Фокин Александр Александрович, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией, Лаборатория междисциплинарных исследований пространства, Тюменский государственный университет.

Чернявская Юлия Юрьевна, докторантка, Факультет истории, Университет Ратгерс.

Чуев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Департамент политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ.

INTERDISCIPLINARY MEASUREMENTS OF ANTHROPOLOGY OF THE “SOVIET MAN” OF THE COLD WAR PERIOD

Abstract. When the editors conceived the issue's theme, they proceeded from the anthropological dimension of socialist and post-socialist societies. Relying on the historiographical literature, we have raised the question of the legitimacy of understanding the socialist man of the Cold War period according to the formula of A.P. Chekhov as a “man in a case”, closed and wary of the outside world. The hypothesis of the discussion was that Soviet people – in terms of citizenship, education and self-awareness – had a lot in common with the inhabitants of other modern societies: they had a craving for fashion, Western pop and rock music, alternative scientific theories and martial arts, sexual identities and practices different from the norm, a keen interest in international life, etc.

In this regard, we raised questions about how the ideological and political context of the “cold war” influenced the development of Soviet man, whether it is possible to assert the immutability of the main features of the socialist way of life in this period. Finally, what features of “Sovietism” have been preserved in post-socialist societies, can they actually be called “post-socialist”, and, in general, what is the place and role of the “socialist” in the modern world.

Keywords: Soviet man, socialist personality, Soviet society, late Soviet society, socialist society, Cold War, society, power, ideology, history of the USSR, historical memory.

Discussion questions:

1. The concepts of “Soviet man” and “socialist personality” arose and for many decades were used virtually exclusively in ideological (Soviet or anti-Soviet) contexts. Does this leave at least some analytical potential for this concept, or does its previous politicization inevitably make it difficult to use it for a scientific understanding of Soviet society?
2. Does the concept of “Soviet man” imply the geographical, national, social and religious diversity of Soviet society? Can it be considered a “Soviet people” dissidents, members of religious and nationalist movements, young people from working-class suburbs, subcultures, etc.?
3. Can you talk about the closeness of socialist societies and the specific nature of the “socialist personality” as an “individual case”, a fenced from the outside world and developing under the influence of the state and party ideology?

4. What was the impact of the ideological confrontation between the USSR and Western countries, in particular, the Cold War, on the formation and development of Soviet man and society?
5. Did the features of Soviet man and society remain in the post-Soviet period? Is it possible to talk about their reproduction, strengthening or extinction?

Discussants:

Mokhov Sergey V., Candidate of Science (Sociology), Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science.

Ponomareva Maria A., Doctor of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of Russian History of the XX–XXI centuries, Acting Director, Institute of History and International Relations, Southern Federal University.

Fokin Alexander A., Candidate of Science (History), Head of Laboratory, Laboratory for Interdisciplinary Space Research, Tyumen State University.

Chernyavskaya Yulia Yu., Doctoral Candidate, History Department, Rutgers University.

Chuev Sergey V., Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation.

ПРОСТОЙ (ПОСТ)СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК: УНИКАЛЬНОСТЬ И УСТОЙЧИВОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИНФРАСТРУКТУР

Мохов Сергей Викторович

Институт этнологии и антропологии
Российской академии наук,
Москва, Россия
svmohov.hse@gmail.com

Аннотация. Теоретические наработки из области антропологии инфраструктур показывают, что социальные практики опосредованы инфраструктурой: материальность способна влиять на повседневность, буквально фреймируя наше поведение. При этом инфраструктура формирует общий опыт для совершенно разных людей (по темпераменту, этничности, социальному происхождению и т.д.), выступая, среди прочего, и как инструмент nation-building. Можно сказать, что воспроизводство социальных практик и общего опыта возможно до тех пор, пока существует инфраструктура или отдельные элементы ее конфигурации. Используя это утверждение как предпосылку, рассматривается вопрос об устойчивости и воспроизводстве определенных форм исторического опыта, определяемого как «советский», через остаточные инфраструктуры (и протоколы ее работы) в современной России. Для этого автор обращается к двум примерам из собственной исследовательской работы: рынку ритуальных услуг и онкологической системе. Автор показывает, как похоронные практики и лечение раковых заболеваний в современной России продолжают испытывать влияние советского наследия благодаря материальному субстрату, в котором осуществляется этот опыт. В заключении, используя «обряды перехода» Роберта Герца, как метафору, автор рассуждает о неизбежной руинизации и распаде советских инфраструктур, а значит и постепенном замещении советского опыта новыми социальными формами.

Ключевые слова: инфраструктура, советский человек, антропология инфраструктур, смерть и умирание.

Цитирование: Мохов С.В. Простой (пост)советский человек: уникальность и устойчивость сквозь призму инфраструктур // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 4. С. 218–226. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-218-226 / Mokhov S.V. Simple (Post) Soviet Man: Uniqueness and Sustainability through the Infrastructures, in Novoe Proshloe / The New Past. 2021. No. 4. Pp. 218–226. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-218-226.

© Мохов С.В., 2021

SIMPLE (POST) SOVIET MAN: UNIQUENESS AND SUSTAINABILITY THROUGH THE INFRASTRUCTURES

Mokhov Sergey V.

Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Science,
Moscow, Russia
svmohov.hse@gmail.com

Abstract. Theoretical developments in the anthropology of infrastructures show that social practices are mediated by infrastructure: materiality framing everyday life. The infrastructure forms a common experience for completely different people (by temperament, ethnicity, social origin, etc.). We can say that the reproduction of social practices and experiences is possible as long as the infrastructure or separate elements of its configuration exist. Following this logic, the author considers the issue of stability and reproduction of certain forms of historical experience, defined as “Soviet”, through infrastructures. To do this, the author refers to two examples from his own research projects: the funeral industry and the cancer system. The author shows how funeral practices and cancer treatment in modern Russia continue to be influenced by the Soviet legacy due to the material substrate in which this experience is carried out. In conclusion, using Robert Hertz’s “rites of passage” as a metaphor, the author discusses the inevitable ruinization and disintegration of Soviet infrastructures and, consequently, the gradual replacement of the Soviet experience with new social forms.

Keywords: infrastructure, Soviet people, anthropology of infrastructures, death and dying.

Любая концептуализация, применяющаяся в больших объяснительных моделях, строится на допущениях. Эти допущения зачастую становятся удобным объектом нападок для критически настроенных коллег: как правило, обвинения сводятся к редуccionизму и нечувствительности к контексту. В этом фокусе концепт «советского человека»¹ не является исключением: ни по количеству изначально заложенных в него допущений, ни по количеству замечаний, который он на себя навлек. В разные годы понятие «советский человек» клеймилось идеологизированным², нерепрезентативным и манипулятивным: особенно много досталось модели «простого советского человека» Ю. Левады³.

Тем не менее, несмотря на множество атак, концепции⁴ «советского человека» оказались весьма живучими и привлекают внимание исследователей и сегодня. Свидетельство тому – тема этого номера и заданная редакторами дискуссия. Причины просты: во-первых, спустя почти 30 лет после распада СССР многие из практик, наблюдаемых в советском обществе, продолжают существовать⁵; во-вторых, объяснение их устойчивости до сих пор не понятно; в-третьих, уж очень велик соблазн накладывать интерпретации на политический контекст современной России, тем самым делая модель привлекательной для массового читателя⁶. Как бы то ни было, стоит признать, что существует запрос на большие объяснительные формы, связывающие нас с советским прошлым.

Однако вместо ревизии вышеобозначенной концептуальной схемы я бы хотел задаться другими, достаточно общими, но последовательными вопросами, которые имеют прямое отношение к изначальным целям модели и, среди прочего, определены вопросами дискуссии номера: 1) насколько *опыты*⁷, проживаемые советским

---

¹ Известный в основном по проекту Ю. Левады. Разумеется, попытки социологического описания советского человека предпринимались и до Левады, и после, в том числе и зарубежными исследователями [Mehnert, 1956].

² Идеологизированное использование понятия «советский человек» привело в итоге к его обесцениванию [Yurchak, 2003].

³ Например, по каким критериям мы измеряем советскость? Что значит быть «советским»? О критике левадovской модели «простого советского человека» можно прочитать в блестящей статье Алексея Титкова [Титков, 2019].

⁴ В рамках данного эссе я не буду придерживаться левадovского определения – будем говорить в целом о разных концепциях «советского человека» как некоторого особого антропологического типа, сформированного особенностями советской цивилизации.

⁵ Главным образом речь идет о политических институтах и неформальных экономических практиках: блат, теневая экономика, сословность и так далее [Ledeneva, 2006, Barsukova, 2019]. Хотя существует и обратное мнение: практики уже другие и не сводимы к условно советским [Радаев, 2020].

⁶ Впрочем, эта дуальность (устойчивость – политизированность) позволяет вновь и вновь сталкиваться сторонникам и противникам этой концептуальной схемы: одни защищают модель, аргументируя ее актуальность устойчивостью наблюдаемых практик, другие же заявляют об ангажированности [Gestwa, 2018].

⁷ Здесь я стараюсь быть максимально аккуратным в терминах, называя практики и вообще некое поле социального «опытами», полагая что множество этих опытов (действий/практик) и формирует «советского человека».

человеком, уникальны? 2) каким образом эти *опыты* могут наследоваться/быть воспроизведены сегодня?

На эти вопросы я постараюсь порассуждать, используя материалы из собственной исследовательской практики: с 2015 г. я работаю над несколькими крупными проектами по похоронному делу и уходу за умирающими людьми в позднем СССР и постсоветской России; историей советской онкологической системы. Таким образом, я, с одной стороны, сосредоточусь на отдельных кейсах; с другой стороны, за счет того, что предмет этих кейсов достаточно универсален (стоит признать, что ситуация болезни и смерти касается всех живущих и даже советских граждан), то можно говорить о весьма масштабируемых *опытах*.

УНИКАЛЬНАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ

Начну я с первого вопроса: насколько *опыты*, проживаемые советским человеком, уникальны? Вопрос об уникальности советской цивилизации достаточно продуктивно отрезюмирован в статье Майкла Дэвида-Фокса «Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная?». Следуя заключительным словам Дэвида-Фокса, стоит признать, что «*советский коммунизм представлял собой упорядоченное, по сути, явление, которое понималось и создавалось как путь развития, призванный помочь стране обогнать современный Запад, бороться с ним и “похоронить” его*» [Дэвид-Фокс, 2016, с. 44]. То есть советский проект представлял собой проект альтернативной модерности. Следуя этой логике, логично предположить, что институции и практики вокруг ситуации смерти/умирания в СССР были также альтернативны западным моделям: по крайней мере, стремились конкурировать с ними, следуя *иным* правилам функционирования и развития.

Так ли это? Если мы обратимся к примеру похоронного дела и попытаемся описать кейс несколькими крупными мазками, то получится следующее: на протяжении долгого времени (1921–1939 гг.) проходила попытка замещения старой модели устройства похоронного дела (сложившейся в Российской империи). С одной стороны, благодаря физическому разрушению инфраструктуры (кладбищ, моргов, человеческих ресурсов), с другой стороны, с помощью попыток замещения разрушаемого новыми инфраструктурами – крематориями, государственным регулированием сферы, субсидированием и так далее. Не вдаваясь в подробности, которые хорошо описаны мной в ряде книг и статей [Мохов, 2021; Mokhov, 2020; Mokhov, 2022], скажу, что этот проект замещения не удался. Уже в послевоенное время похоронная сфера погружается в состояние бесхозности и стихийного самоуправления: кладбища открываются и развиваются самостийно, централизованного производства необходимых похоронных принадлежностей нет, законодательство и нормативное регулирование отсутствует. Как итог, люди самостоятельно организовывали похороны: искали катафальный транспорт, место захоронения, подготавливали могилу, изготовляли гроб, памятник и так далее. Эта ситуация (дисфункций

и неопределенности в работе инфраструктур) привела к формированию сети гаражных и ремесленных производителей похоронных принадлежностей и к самостоятельному обслуживанию объектов инфраструктуры советскими гражданами. Различные инфраструктурные проблемы и неурядицы стали восприниматься как должное, решение этих проблем стало частью компетенции похоронных агентов; приобрело символические функции, найдя свое место в похоронном ритуале.

Уникален ли этот *опыт*? Для этого стоит понимать, что практики самостоятельного администрирования/справления похорон (наряду с дисфункциями инфраструктуры) массово присутствуют в традиционных руральных обществах, в то время как в современных урбанных сообществах похоронное дело является частью рыночной экономики и государственного управления. В этом фокусе описанные мной практики организации похорон в СССР являются примером бытования архаичных форм в условиях советской урбанизации и технологизации – причем архаичность вынужденная, вызванная бесхозной инфраструктурой. Пожалуй, эта ситуация действительно уникальна.

Обратившись к другому кейсу из моей исследовательской практики, к советской онкологии, мы обнаружим схожие сюжеты. Советская онкологическая система, уже на ранних этапах своего становления, испытывала сильное влияние диалектического материализма. Эта эпистемологическая «прививка» позволила сформировать понимание причины болезни, методы и инструменты лечения, избегая сложных и долгих дискуссий внутри дисциплины – рак является следствием дурного влияния среды; лучшее лечение – предотвращение (пропаганда и диагностика). За счет наличия этой единой программы советская онкология уже в 1940–1950-е гг. активно развивалась: буквально за одно десятилетие была создана громоздкая, захватившая всю страну, трехчастная инфраструктура (профилактики, диагностики, просвещения), не имеющая аналогов в мире. Однако уже в конце 1970-х и особенно в 1980-х советская онкология подверглась архаизации и безнадежно отстала от западных программ лечения рака. Виной этому стала все та же инфраструктура, которая сделала нечувствительной систему к изменениям и новым вызовам [Mokhov, 2020; Мохов 2021].

Уникальна ли советская онкология? Абсолютно. В СССР удалось создать масштабную систему диагностики, не имеющую аналогов в мире. Миллионы людей подвергались профилактическим осмотрам и беспрецедентной противораковой пропаганде. Советская онкология, с одной стороны, находилась целиком в тренде развития мировой онкологии в 1940–1970-е гг., с другой же – была настолько радикальна и бескомпромиссна, что быстро стала нечувствительной к изменениям и актуальным вызовам мировой медицины, погрязнув в своем материальном субстрате.

Оба приведенных примера достаточно явно убеждают меня в уникальности советского *опыта* – по крайней мере в сфере тяжелого заболевания и похорон. Конечно, эти *опыты* были разные для города/села, людей разных возрастов и из разных социальных групп, разный опыт был и в разное время существования СССР и в разных его частях, но все же я настаиваю, что описанные выше примеры являются

примером вполне осязаемых структур, с достаточно явным (и уникальным) набором вариаций для проживания этих опытов. Это и позволяет мне говорить о советском опыте умирания/похорон.

УСТОЙЧИВОСТЬ СОВЕТСКИХ ПРОЕКТОВ: РАБОТА ИНФРАСТРУКТУР

Возможно воспроизводство этих *опытов* сегодня? Здесь я предлагаю обратиться к теоретическим наработкам из антропологии инфраструктуры. Инфраструктура как область изучения открыта антропологами более двадцати лет назад и за это время успела стать серьезным направлением исследований, о чем свидетельствует большое число публикаций, а также отдельный выпуск журнала «Cultural Anthropology» 2015 г. Антропологам довольно успешно удалось показать, например, как строительство автомобильной дороги способно изменить жизнь целого города [Harvey, Knox, 2015], как развитие электролиний сыграло ключевую роль в создании западных национальных государств [Hughes, 1993], как появление метро и железной дороги привело к рождению нового типа городского жителя — пассажира [Nuhn, 2015; Larkin, 2013]. Этот подход нашел применение в целом ряде работ: например, о связи биополитики и трубопровода в Индии [Anand, 2011], о роли дороги в рыночных отношениях в постсоциалистических странах [Dalakoglou, Harvey, 2012] и др. Таким образом, эти исследования позволяют утверждать, что инфраструктура оказывает влияние на социальные практики.

Учитывая это, можно утверждать, что инфраструктура создает и воспроизводит социальное. Если принять эту позицию, то окажется, что социальный опыт, конструируемый инфраструктурой, продолжает воспроизводиться в современной России — там, где сохраняются элементы прежних советских инфраструктур. Схожую позицию выдвигает и историк Карл Шлегель: *«языки, стиль административных и школьных зданий, инфраструктура, пути получения образования и биографии, ненависть или сентиментальная привязанность к хозяевам прежних времен»* в качестве материальных останков продолжают не просто существовать, но и влиять на нашу жизнь [Schlögel, 2018, р. 27]. Наблюдая за функционированием постсоветской онкологии и похоронного дела, я полагаю, что большинство из опытов продолжает воспроизводиться за счет того материального субстрата, в котором они бытуют — кладбища, морги, дороги, больницы и поликлиники, протоколы и документы и так далее.

ЭТО БЫЛО НАВСЕГДА, ПОКА НЕ КОНЧИЛОСЬ: О ЖИЗНИ ИНФРАСТРУКТУР

Будет ли так всегда? В своей потрясающей работе «Коллективные представления о смерти» Роберт Герц [Герц, 2019] пишет о растянутом во времени умирании человека, вводя раньше А. Ван-Геннепа понятие переходного этапа между жизнью и смертью. Реконструируя похоронные практики о. Борнео, он показывает, что

человек никогда не умирает одновременно: умирая физически, он продолжает выполнять ряд социальных функций, только со временем постепенно переходя в ряд «окончательно мертвых». При этом его «продолжающая жизнь» прикреплена к материальной основе: островитяне верят, что пока плоть окончательно не отойдет от костей, дух остается связанным с телом, и поэтому тело медленно гниет на скалах, олицетворяя собой постепенно уходящую жизнь. Пока тело разлагается — дух принимает участие в жизни живых. Используя этот весьма нетривиальный пример как метафору, можно сказать, что советский проект продолжает существовать в современном мире в виде своих материальных останков, то есть инфраструктур, пока его дух медленно покидает их. Инфраструктуры замещаются, распадаются, исчезают, но пока практики, которые они способны создавать, продолжают воспроизводиться, частично или полностью. Возможно, и советский человек, так же частично, продолжает фантомами мелькать среди новой социальности, заставляя нас невольно вздрагивать.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Герц Р. Смерть и правая рука. М.: ARS Press, 2019. 264 с.

Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная, переплетенная? // *Новое литературное обозрение*. 2016. № 140. С. 19–44.

Мохов С. Археология русской смерти. Этнография похоронного дела в современной России. М.: ФПСИ «Хамовники»; Common Place, 2021. 192 с.

Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 224 с.

Титков А.С. Призрак советского человека // *Социология власти*. 2019. Т. 31. № 4. С. 53–94.

Anand N. Pressure: The PoliTechnics of Water Supply in Mumbai // *Cultural Anthropology*. 2011. Vol. 26. № 4. Pp. 542–564.

Barsukova S. Informal practices of big business in the post-soviet period: from oligarchs to kings of the state order // *Demokratizatsiya*. 2019. Vol. 27. № 1. Pp. 31–42.

Dalakoglou D., Harvey P. Roads and Anthropology: Ethnographic Perspectives on Space, Time and (Im)Mobility // *Mobilities*. 2012. № 7. Pp. 459–465.

Gestwa K. Der Sovjetmensch. Geschichte eines Kollektivsingulars // *Osteuropa*. 2018. Jg. 68. H. 1–2. Pp. 55–82.

Harvey P., Knox H. *Roads: An Anthropology of Infrastructure and Expertise*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2015. 203 p.

Hughes T.P. The Evolution of Large Technological Systems // *The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology*. Ed. by Bijker W.E., Hughes T.P., Pinch T.J. Cambridge, MA: MIT Press, 1993. Pp. 51–82.

Huhne S. The Birth of the Urban Passenger: Infrastructural Subjectivity and the Opening of the New York City Subway // *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*. 2015. Vol. 19. № 2–3. Pp. 313–321.

Mokhov S. *Death and Funeral Practices in Russia*. London: Routledge, 2022. 112 p.

Mokhov S., Sokolova A. Broken infrastructure and soviet modernity: the funeral market in Russia // *Mortality*. 2020. 25:2. Pp. 232–248.

Mehnert K. *Der Sowjetmensch. Versuch eines Porträts nach zwölf Reisen in die Sowjetunion 1929–1957*. Stuttgart, 1958. 466 p.

Larkin B. The Politics and Poetics of Infrastructure // *Annual Review of Anthropology*. 2013. Vol. 42. Pp. 327–343.

Ledeneva A.V. *How Russia Really Works: The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2006. 270 p.

Schlögel K. *Das sowjetische Jahrhundert: Archäologie einer untergegangenen Welt*. München: Verlag C.H. Beck, 2018. 912 p.

Yurchak A. Soviet Hegemony of Form: Everything Was Forever, Until It Was No More // *Comparative Studies in Society and History*. 2003. Vol. 45. № 3. Pp. 480–510.

REFERENCES

Hertz R. *Smert' i pravaya ruka* [Death and the right hand]. Moscow: ARS Press, 2019. 264 p. (in Russian).

David-Fox M. Modernost' v Rossii i SSSR: otsutstvuyushchaya, obshchaya, al'ternativnaya, perepletennaya? [Modernity in Russia and the USSR: absent, common, alternative, intertwined?], in *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2016. No. 140. Pp. 19–44 (in Russian).

Mokhov S. *Arheologiya russkoj smerti. Etnografiya pohoronnogo dela v sovremennoj Rossii* [Archeology of Russian death. Ethnography of the funeral business in modern Russia]. M.: FPSI "Khamovniki"; Common Place, 2021. 192 p. (in Russian).

Radaev V.V. *Millenialy: Kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo* [Millennials: How Russian Society is Changing]. Moscow: HSE Publ., 2020. 224 p. (in Russian).

Titkov A.S. Prizrak sovetskogo cheloveka [The ghost of the Soviet man], in *Sociologiya vlasti*. 2019. Vol. 31. No. 4. Pp. 53–94 (in Russian).

Anand N. Pressure: The PoliTechnics of Water Supply in Mumbai, in *Cultural Anthropology*. 2011. Vol. 26. No. 4. Pp. 542–564.

Barsukova S. Informal practices of big business in the post-soviet period: from oligarchs to kings of the state order, in *Demokratizatsiya*. 2019. Vol. 27. No. 1. Pp. 31–42.

Dalakoglou D., Harvey P. Roads and Anthropology: Ethnographic Perspectives on Space, Time and (Im)Mobility, in *Mobilities*. 2012. No. 7. Pp. 459–465.

Gestwa K. Der Sowjetmensch. Geschichte eines Kollektivsingulars, in *Osteuropa*. 2018. Jg. 68. H. 1–2. Pp. 55–82.

Harvey P., Knox H. *Roads: An Anthropology of Infrastructure and Expertise*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2015. 203 p.

Hughes T.P. The Evolution of Large Technological Systems, in *The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology*. Ed. by Bijker W.E., Hughes T.P., Pinch T.J. Cambridge, MA: MIT Press, 1993. Pp. 51–82.

Huhne S. The Birth of the Urban Passenger: Infrastructural Subjectivity and the Opening of the New York City Subway, in *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*. 2015. Vol. 19. No. 2–3. Pp. 313–321.

Mokhov S. *Death and Funeral Practices in Russia*. London: Routledge, 2022. 112 p.

Mokhov S., Sokolova A. Broken infrastructure and soviet modernity: the funeral market in Russia, in *Mortality*. 2020. 25:2. Pp. 232–248.

Mehnert K. *Der Sowjetmensch. Versuch eines Porträts nach zwölf Reisen in die Sowjetunion 1929–1957*. Stuttgart, 1958. 466 p.

Larkin B. The Politics and Poetics of Infrastructure, in *Annual Review of Anthropology*. 2013. Vol. 42. Pp. 327–343.

Ledeneva A.V. *How Russia Really Works: The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2006. 270 p.

Schlögel K. *Das sowjetische Jahrhundert: Archäologie einer untergegangenen Welt*. München: Verlag C.H. Beck, 2018. 912 p.

Yurchak A. Soviet Hegemony of Form: Everything Was Forever, Until It Was No More, in *Comparative Studies in Society and History*. 2003. Vol. 45. No. 3. Pp. 480–510.

Статья принята к публикации 15.11.2021

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ ПОСТМОДЕРНА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Пономарева Мария Александровна

Южный федеральный университет,

Ростов-на-Дону, Россия

ponomariya@sfedu.ru

Аннотация. В статье, опираясь на синергетический подход, автор проанализировала характерные черты советского человека, определила противоречия между индивидуальностью и коллективизмом в обществе, самостоятельностью и зависимостью конкретного человека в указанный период. В статье рассмотрены причины кризиса социалистической эпохи. Отмечается важнейшая особенность советского человека эпохи постмодерна: умение «добывать» дополнительную информацию, «читать между строк» и делать выводы интуитивно, на основе «озарений».

Делается вывод, что сформировался советский человек «в футляре»: свободная личность, облаченная в строго заданные поведенческие и институциональные рамки. В статье отмечается, что дискурс и практики постмодернизма определили не только облик советского человека и социалистического мира в целом периода «холодной войны», но и сконструировали современное российское общество. Историческая память поколений 1960–1980-х гг., мифологизируя прошлое, определяет современную историческую политику, во многом формирует общественное сознание.

Ключевые слова: советский человек, «холодная война», СССР, брежневский период, история КПСС, историческая память, коллективная историческая память, советские ценности, советская экономика, представления о советском прошлом, социалистическое общество.

Цитирование: Пономарева М.А. Советский человек в условиях постмодерна: историческая политика и общественное сознание // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 4. С. 227–237. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-227-237 / Ponomareva M.A. The Soviet Man in Postmodern Conditions: Historical Politics and Public Consciousness, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2021. No. 4. Pp. 227–237. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-227-237.

© Пономарева М.А., 2021

THE SOVIET MAN IN POSTMODERN CONDITIONS: HISTORICAL POLITICS AND PUBLIC CONSCIOUSNESS

Ponomareva Maria A.

Southern Federal University

Rostov-on-Don, Russia

ponomariya@sfedu.ru

Abstract. Based on the synergetic approach, the author analyzed the characteristic features of the Soviet man, identified the contradictions between individuality and collectivism in society, independence and dependence of a particular person during this period. The causes of the crisis of the socialist era are considered. The most important feature of the Soviet man of the postmodern era is noted: the ability to “extract” additional information, “read between the lines” and draw conclusions intuitively, based on “insights”. It is concluded that the Soviet man was formed “in a case”: a free personality, clothed in a strictly defined behavioral and institutional framework. The article notes that the discourse and practices of postmodernism determined not only the appearance of the Soviet man and the socialist world as a whole during the Cold War, but also constructed modern Russian society. The historical memory of the generations of the 1960s–1980s, mythologizing the past, determines modern historical politics, largely forms public consciousness.

Keywords: Soviet man, Cold War, USSR, Brezhnev period, history of the Communist Party, historical memory, collective historical memory, Soviet values, Soviet economy, ideas about the Soviet past, socialist society.

К. Дженкинс писал, что ситуация постмодерна обуславливает современное существование общества. Оно объективно, не подлежит изменению, и его необходимо принимать безо всяческих объяснений и обоснований [Jenkins, 1991]. Изначально допускалось «изображать мир знания эпохи постмодерна как мир, управляемый игрой с исчерпывающей информацией, в том смысле, что она в принципе доступна для всех экспертов...» [Лиотар, 2016, с. 126]. При этом преимущество получает тот, кто имеет дополнительную информацию, умеет ее добывать либо обладает навыками додумывания, «воображения». В научной литературе существует ряд категорий и концепций, описывающих период постмодерна. В частности, трансмодерн Э. Дюсселя как итог краха Просвещения и кризиса постмодерна; неомодерн в культуре Г. Деннинга как возвращение к эстетической чувствительности; метамодернизм как отражение сетевой структуры общества; постпостмодернизм в коннотациях: диджимодернизм, космодернизм, гипермодернизм, перформатизм Р. Эшельмана как описание произведений искусства, — не применимых к категориям политическим или социальным и др. Более того, Л. Хатчеон доказывает, что постмодерн умер, поскольку цифровые технологии изменили социальную действительность, и в силу этого язык постмодернизма перестал быть адекватным новым реалиям [Hutcheon, 2002]. Мы же придерживаемся позиции, согласно которой хоть постмодернизм и закончился, его дискурс и практики, как и в случае с модернизмом, продолжают существовать [Павлов, 2021, с. 523–524].

Изучение периода «холодной войны» растянуто в методологическом противостоянии между теми исследователями, кто изучает происходившие процессы в системе координат иерархической структуры общества и государства, и теми авторами, которые опираются в своем анализе на изучение истории как сети. Наиболее выпукло эту методологию представил Н. Фергюсон в книге «Площадь и башня. Сети и власть от масонов до Facebook», признавая самостоятельную значимость маленького человека [Фергюсон, 2020]. Мы можем проследить в теории Н. Фергюсона два этапа сетевой эпохи — книгопечатание и интернет. Однако под сетью понимается период, для которого характерно массовое производство, истина перестает быть привилегией ограниченного количества лиц и становится возможным массовое влияние на изменение общества — это периоды революций, реформации, поляризации общества. Общество периода «холодной войны» можно рассматривать и с точки зрения иерархий, и со стороны сетевой антропологии маленького человека. Если речь идет об изучении характерных черт общества, повседневности, влиянии человека или группы людей на общественно-политическое развитие и экономическое в пределах отдельных регионов, городов либо на микроуровне (заводы, фабрики, дворы, школы, отдельные советы) и стоит цель показать изменение роли простого советского человека, то, безусловно, применение концепции Н. Фергюсона открывает широкие перспективы историку для изучения человека второго плана как влиятельного актора в истории.

Много интереснее же все же синергетический подход, в особенности если мы обращаемся к взаимоотношениям власти и общества. Тогда, изучая поведение и стратегические цели, мероприятия власти, мы опираемся на иерархический и позиционный подходы, поскольку в этот период часто место определяло функциональность человека. А уже при изучении мотивации различных сообществ применяем подходы сетей. С другой стороны, КПСС, органы власти и т.п. также можно рассматривать в качестве сетей с определенным уровнем взаимоотношений и влияния на самих себя и на окружающее пространство, ход событий. Как бы то ни было, но этот подход значительно усложняет картину мира, представляемую историком, и тем самым делает ее более выпуклой и более интересной как ученым, так и читателям.

Главным достоинством современной методологии изучения периода «холодной войны» можно считать абсолютную синергетику: как традиционных концепций и подходов (марксистского, классового, цивилизационного, формационного, структуралистского (вслед за Фуко и Бартом, Лотманом)), так и целого ряда подходов из смежных наук, которые стали частью науки исторической и даже образовали исторические направления исследования в условиях постмодернизма (микроисторию, устную историю и т.п.). В первую очередь речь идет о методологии решенческого, позиционного, синергетического подходов. То есть о тех подходах, которые стали возможны в исторической науке после череды известных нам поворотов: антропологического, лингвистического и, в качестве одного из последних, имперского. В этих условиях «старый добрый позитивизм» (еще со времен О. Конта) для изучения общества периода «холодной войны» теряется и все чаще отходит на второй план. Тем не менее, восстановление фактов и их научное объяснение именно для данного исторического этапа по-прежнему остается актуальным, поскольку вплоть до настоящего времени его изучение находилось за завесой идеологических интерпретаций и знание о прошлом формировалось как сумма определенным образом сконструированных фактов и событий.

Таким образом, для СССР мы описываем тот период существования советского человека, когда его повседневную жизнь начала изменять информационная эпоха. Телевизор на тот момент не давал возможностей непосредственного общения людей друг с другом опосредованно от государства, официальных институтов и не давал возможности формировать параллельное существование общества официальному дискурсу. Тем не менее, все более расширяющиеся способы передачи информации в повседневной жизни маленького человека постепенно формировали новое отношение к окружающей действительности и к механизмам передачи информации, как со стороны власти, так и со стороны общества.

История СССР периода «холодной войны» представляла собой одновременно эпоху кризиса индивидуальности и коллективизма, самостоятельности и зависимости, что предопределило не только конец социалистической эпохи в СССР, но и развитие всего постсоциалистического мира, а также современное понимание прошлого.

Действительно, современное общество основывается на мифах, изучение прошлого в некоторой степени определяется в новейшей коллективной исторической памяти с учетом степени этой мифологизации. Существование прошлого определяется, с одной стороны, фрагментарностью общественного сознания, с другой стороны – степенью расколотости и плюрализма самого конкретного общества в определенный, четко установленный период времени. Как писала М. Хирш, «... работа постпамяти... способна заново активировать и заново воплотить (re-embod) более отдаленные политические и культурные пласты памяти, соединив их с живыми частными и семейными формами опосредования и эстетического выражения... Данная память не разрушается после смерти всех участников травматического события и их потомков, и этим идея постпамяти отличается от классификации Ассманов» [Хирш, 2021, с. 66].

Действительно, схлопывание пространственно-временных рамок, переплетение прошлого и настоящего позволяет рассмотреть общественное сознание как часть неотъемлемой культуры общества и на определенном этапе формирует культурное, идейное многообразие – следовательно, и множественность индивидуального «я». Можно ли говорить о существовании «человека в футляре» в период «холодной войны»? Правомерно ли сегодня в научном и в общественном дискурсе использование терминов «советский человек» и «социалистическая личность» применительно к периоду 1960–1980-х гг.?

В современном понимании «советское» в условиях постмодерна – сочетание характерных черт, поведенческих практик, идеологических категорий как в обществе, так и среди представителей властных структур, в основу которых положено фрагментарное отношение к советскому прошлому, обусловленное как личным опытом, так и социально-экономическими и политическими обстоятельствами текущего момента. В работе «О разделении общественного труда» Э. Дюркгейм писал, что в нас есть два взаимосвязанных между собой сознания: личное, индивидуальное и неповторимое; общественное, коллективное [Дюркгейм, 1996].

Что определяет «советского человека», исходя из представлений современного общества? Во-первых, обрядовость взаимоотношений между властью и обществом, декларативность поставленных целей и символизм их исполнения. Кроме того, важными характеристиками являются коллективность, ссылка на авторитеты, страх/стремление возврата негативного прошлого (сталинизм, репрессии, голод, война и т.д.); жизнь во имя будущего; поиск внутреннего и внешнего врага; локальность (привязка к месту, быту, устоявшемуся ходу вещей¹).

Вместе с тем особенностью общественно-политического развития СССР периода «холодной войны» явилось сочетание с первого взгляда противоречивых, однако взаимозависимых тенденций: во-первых, постоянное декларирование

---

¹ Впрочем, это пункт скорее соотносится с вышеперечисленным тезисом о страхе возврата негативных обстоятельств прошлого.

со стороны государства политики по возрождению общественной инициативы, во-вторых, последовательная и неуклонная формализация принимаемых решений. В сложившихся условиях важным оказалось формирование общественного мнения и идеального образца советской личности — идеального советского человека. Данная цель достигалась посредством пропаганды в средствах массовой информации, во время проведения различных общественных и политических акций и т.п.

Например, на мероприятиях по проведению политинформации в производственных коллективах упоминаются фамилии и имена, места работы или службы героев, в обиход входят краткие «рабочие биографии» отличившихся. Данная информация сопровождается постоянными уведомлениями об изменении социально-экономической жизни страны неуклонно в лучшую сторону именно благодаря усилиям идеальных советских людей, которые, хоть и имели конкретные имена фамилии, тем не менее быстро становились символами социалистического настоящего, а их заслуги перед страной облекались в мифологическую форму. Парадоксальным образом применение подобного подхода способствовало обезличиванию общественных практик. Положительные описания советской действительности вкупе с массовостью описываемых общественных инициатив также давали обратный результат: примеры идеального советского человека порой кардинально расходились с повседневной жизнью, следовательно, в условиях привычного поиска двойной трактовки смыслов общественные практики воспринимались либо как недостижимый результат, работающий на довольно нескорое будущее, либо как неизбежное зло.

Соответственно, советский человек, привыкший ориентироваться на добычу дополнительной информации либо «читать между строк» официальных данных, являлся типичным представителем эпохи постмодерна. Один из любопытных примеров дает нам сравнение официальной и неофициальной статистики этого периода. Так, население СССР в 1989 г. составляло 286,7 млн чел. За 10 лет прирост составил 20,1 млн чел. (на 1 января 1981 г. население составило 266,6 млн чел.), то есть в среднем по 2 млн чел. в год. Этому способствовало и повышение образовательного уровня населения, и изменение социальной структуры общества в целом, и реализация политики общества потребления государством [Население, 2011, с. 4, 255]. Данные Госкомстата рисуют нам сверхпозитивную картину: одновременно с приростом населения в течение 1970–1980-х гг. происходил неуклонный рост заработной платы. Однако фактически шло планомерно наращивание дефицита товаров. Неудовлетворенный спрос населения на товары и услуги вырос в 1989 г. по сравнению с 1970 г. в 11 раз, составив 165 млрд руб. Тем не менее, официальные расходы превысили официальные доходы в 1975 г. — на 13,8%, а в 1989 г. — на 25,4%, что наглядно свидетельствует о развитии теневого сектора экономики [Лебский, 2021, с. 130–131]. Несмотря на это в современном обществе сформировался устойчивый стереотип экономической стабильности и планомерной повседневности человека периода «холодной

войны», который включал в себя и механизмы получения «дополнительной информации», использование «навыков выживания».

В одной из последних обзорных работ по истории СССР/РФ 1953–2008 гг. коллектив из более чем 40 авторов (среди них — Р. Пайпс, В. Страда, Н. Струве, Ю.С. Пивоваров, В.В. Согрин, Н.Л. Жуковская, А.Б. Зубов и др.) акцентировал внимание на происходивших в советском обществе изменениях, которые были названы «внутренним освобождением русского общества». Действительно, хлынувшие в советскую культуру зарубежные магнитофонные записи, фильмы, публикация классиков русской философии (В. Соловьев, С. и Е. Трубецкие, П. Флоренский и др.), возрождение приходской церковной жизни, распространение самиздата и правозащитного движения и т.д. определили существенные сдвиги в повседневной жизни советского человека. Можно ли утверждать, что молодые люди, танцующие твист и рок-н-ролл на дискотеках и посещающие кинотеатры для просмотра фильмов с Бельмондо, уже не являлись советскими людьми? Как определить степень советскости в поведении и общественном сознании такого общества? [История России, 2021, с. 163]. Действительно, процесс формирования советского человека включает в себя несколько параметров: от внешней среды и формируемых ею стереотипов до представлений о себе и окружающем мире. Массовое общественное сознание в СССР периода «холодной войны» в рамках каждого из этих параметров было подвержено влиянию государственного и партийного контроля.

Безусловно, индивидуальные суждения в СССР весьма различались, например у представителей интеллигенции и рабочих, служащих и крестьян, равно как каждый из этих слоев не был единым. Однако существовала государственная политика, формировавшая массовые представления в единообразном ключе. Например, через систему образования, посредством отображения знаковых исторических событий в учебниках, в особенности в школьных и предназначенных для исторических факультетов вузов. Оговоримся, что как представления об идеальном советском человеке, так и памятные события, посредством которых они в том числе формировались, претерпевали изменения в рассматриваемый период, в зависимости от акцентов текущей партийной политики. Однако в целом оставались неизменными основные черты «моделирования» советского человека. В первую очередь, это воспитание на героических примерах прошлого, в особенности тех из них, которые укладывались в схему: «кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет». Во-вторых, вписывание настоящего в сказочный контекст прошлого: «мы уже создали искусственные спутники Земли...» [Алексеев, 1961, с. 121]. В-третьих, посредством противопоставления уютного, спокойного, радостного и социально-ориентированного настоящего — злему и враждебному дореволюционному прошлому и капиталистическому настоящему. В-четвертых, через описание партии как единственного положительного героя, который в состоянии вести борьбу с негативными явлениями прошлого, настоящего и будущего при поддержке советского народа. Каждый из данных факторов «работал» на формирование конкретного аспекта модели

«советского человека»: готовность к самопожертвованию, но при этом осознание собственной значимости перед странами другого мира; страх перед внезапными и глобальными переменами, чувство защищенности и недоверия к другим странам и информации; доверие к партии и правительству и одновременно — опасение потерять доверие и защиту от них. Фактически, именно в этот период складывалось мировоззрение того советского человека, который в период Перестройки оказался среди наиболее активной части общества, приведшей в итоге страну к распаду, а власть КПСС — к падению.

Возвращаясь к вопросу о сохранении исторической памяти о советском прошлом, приведем цитату философа Г. Марселя, согласно которой «общества, основанные на материальных постулатах, причем неважно, какое место они отводят для определенного возвеличивания коллективизма, являющегося по сути дела чисто животным, ... искореняют тем самым и свободу... (человека — прим. М.П.)» [Марсель, 2018, с. 38]. В связи с этим важен вопрос о том, какое место занимает память об обществе периода «холодной войны» и советском человеке в современном обществе, в котором принцип свободы личности является одним из главенствующих в характеристике общественного сознания.

Историческая политика определяется номенклатурным самосохранением, которое, как писал еще М. Восленский, обладает характерными чертами: замкнутости, устойчивости и воспроизводства — и формируется из паттернов действий государственной власти, отклика на них экспертного и профессионального сообществ, восприятия ее обществом. Элементы советского в российской исторической политике определяются востребованностью и готовностью к ним общества. 1990-е гг. стали ценностным и идеологическим вакуумом, вернее, в этот период системой являлось отсутствие самой системы. Поскольку данное десятилетие явилось отрицанием советского, но не конструктивным замещением, поколение 2000-х гг. относится к нему как к негативу, воспринимая позитив советского, но в мифологизированной форме (опосредованно — через старшее поколение). Напротив, для поколения 2000-х позитивным опытом являются процессы 1990-х гг., но и эти представления также обладают всеми признаками сконструированной мифологичности.

Коллективная память, включающая в себя и проявляющаяся в том числе через историческую политику, определяется на современном этапе опытом периода «холодной войны». Как мы уже отмечали на круглом столе, посвященном изучению исторической памяти, именно этот опыт формирует как индивидуальное восприятие и прошлого, и настоящего, и будущего (с ним связаны наши страхи — личные, политические, идеологические, экономические), так и общественный опыт, в том числе общественную усталость и общественные страхи [Венков, 2017]. Поколение, прошедшее несколько подэтапов социально-экономического и политического развития страны, безусловно, лучше понимает, «как оно было», тогда как более молодые в первую очередь представляют советское через мифы, опосредованные воспоминанием «старших». Но и старшее поколение

романтизирует либо демонизирует прошлое, поскольку личный опыт переживания «советскости» для него имеет гораздо большее значение, чем для молодых людей.

В связи с этим основной период, который доминирует неосознанно в общественном сознании и государственной политике на нынешнем этапе – это 1960–1970-е гг., во время которых сформировалась советская личность «в футляре»: свободная и неповторимая внутри, но облеченная в строго заданные рамки снаружи. Характерные черты, которые проявляют себя и являются частью этого прошлого, многочисленны и разнообразны. Во-первых, это сочетание государственного контроля и местных инициатив. Провозглашение со стороны государственных органов возрождения «низовой» демократии сочетается с усилением обрядовой (декларативной) деятельности как реакции на контроль. Наличие в обществе развитых механизмов транслирования: либо «сверху-вниз», либо «по горизонтали» без затрагивания «верхов» – сопровождается углубляющимся разрывом между общественными ожиданиями и государственной политикой, компенсируемым теми же директивностью и контролем. По-прежнему сохраняется ответственность конкретного руководителя при усилении неэффективности всей системы в целом.

Резюмируя, можно отметить, что советский человек в условиях постмодерна не исчез, основные черты не просто сохранены, но органически встроены во всю институциональную и неинституциональную систему современного общества. Более того, учитывая сетевые и цифровые модели развития постмодерна, транслирование поведенческих практик и структур советскости происходит значительно быстрее, но одновременно все более мифологизируется, «переключая» оценку советского прошлого периода «холодной войны» со знака «минус» на знак «плюс».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алексеев С.П. История СССР: учебная книга для 4-го класса. 6-е изд. М.: Учпедгиз, 1961. 159 с.

Венков А.А. Круглый стол «Советское: жизнь после смерти» (Ростов-на-Дону, 9 ноября 2017 г.) // *Новое прошлое / The New Past*. 2017. № 4. С. 352–357.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 430 с.

История России XX век. Деградация тоталитарного государства и движение к новой России (1953–2008). Т. III. Под ред. А.Б. Зубова. М.: Эксмо, 2021. 688 с.

Лебский М.А. Рабочий класс СССР: жизнь в условиях промышленного патернализма. М.: Изд-во «Горизонталь», 2021. 250 с.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 2016. 160 с.

Марсель Г. Люди против человеческого. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 208 с.

Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3-х т. Т. 3. Кн. 2. Население России в XX веке. Исторические очерки. 1980–1990 гг. М.: РОССПЭН, 2011. 295 с.

Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теория объясняют наше время. 2-е изд. М.: издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 560 с.

Фергюсон Н. Площадь и башня. Сети и власть от масонов до Facebook. М.: АСТ, 2020. 547 с.

Хирш М. Поколение постпамяти: письмо и визуальная культура после Холокоста. М.: Новое издательство, 2021. 428 с.

Hutcheon L. *The Politics of Postmodernism*. L., N.Y.: Routledge, 2002. 222 p.

Jenkins K. *Re-thinking History*. L., N.Y.: Routledge, 1991. 120 p.

REFERENCES

Alekseev S.P. *Istoriya SSSR: uchebnaya kniga dlya 4-go klassa* [History of the USSR: a textbook for the 4th grade]. 6-e izd. Moscow: Uchpedgiz, 1961. 159 p. (in Russian).

Venkov A.A. Kruglyi stol "Sovetskoe: zhizn' posle smerti" (Rostov-na-Donu, 9 noyabrya 2017 g.) [Round table "Soviet: life after death" (Rostov-on-Don, November 9, 2017)], in *Novoe proshloe / The New Past*. 2017. No. 4. Pp. 352–357 (in Russian).

Dyurkgeim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On the division of social labor]. Moscow: Kanon, 1996. 430 p. (in Russian).

Istoriya Rossii KhKh vek. Degradatsiya totalitarnogo gosudarstva i dvizhenie k novoi Rossii (1953–2008) [The history of Russia of the twentieth century. The degradation of the totalitarian state and the movement towards a New Russia (1953–2008)]. Vol. III. Ex ed. by A.B. Zubova. Moscow: Eksmo, 2021. 688 p. (in Russian).

Lebskii M.A. *Rabochii klass SSSR: zhizn' v usloviyakh promyshlennogo paternalizma* [The working class of the USSR: life in the conditions of industrial paternalism]. Moscow: Izd-vo "Gorizont", 2021. 250 p. (in Russian).

Liotar Zh.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The state of postmodernity]. Saint-Petersburg: Aleteiya, 2016. 160 p. (in Russian).

Marsel' G. *Lyudi protiv chelovecheskogo* [People against the human]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2018. 208 p. (in Russian).

Naselenie Rossii v KhKh veke. Istoricheskie ocherki [The population of Russia in the twentieth century. Historical essays]. Vol. 3. Kn. 2. *Naselenie Rossii v KhKh veke. Istoricheskie ocherki. 1980–1990 gg.* [The population of Russia in the twentieth century. Historical essays. 1980–1990]. Moscow: ROSSPEN, 2011. 295 p. (in Russian).

Pavlov A.V. *Postpostmodernizm: kak sotsial'naya i kul'turnaya teoriya ob"yasnyayut nashe vremya* [Post-Postmodernism: how social and cultural theory explain our time]. 2-e izd. Moscow: izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS, 2021. 560 p. (in Russian).

Fergyuson N. *Ploshchad' i bashnya. Seti i vlast' ot masonov do Facebook* [Square and Tower. Networks and power from Masons to Facebook]. Moscow: AST, 2020. 547 p. (in Russian).

Khirsh M. *Pokolenie postpamyati: pis'mo i vizual'naya kul'tura posle Kholokosta* [Generation of post-memory: writing and visual culture after the Holocaust]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2021. 428 p. (in Russian).

Hutcheon L. *The Politics of Postmodernism*. L., N.Y.: Routledge: Routledge, 2002. 222 p.

Jenkins K. *Re-thinking History*. L., N.Y.: Routledge, 1991. 120 p.

Статья принята к публикации 15.11.2021

DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-238-247
94(47).084.9

«СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК» ОДНОВРЕМЕННО СУЩЕСТВУЕТ И НЕ СУЩЕСТВУЕТ¹

Фокин Александр Александрович

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия
a.a.fokin@utmn.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные способы использования концепции «советский человек» как аналитической категории. Говоря о потенциале использования термина «советский человек», следует различать два больших контекста этого понятия. С одной стороны, это словосочетание зародилось внутри советского языка и может быть изучено в рамках истории понятий. С другой стороны, термин «советский человек» оказывается сильно идеологически нагруженным, и ряд исследователей вкладывают в него отрицательный контекст. И в том и в другом случае необходимо отказаться от восприятия советского общества и советского человека как гомогенной структуры и выделять формальные и не формальные структуры и группы. Можно выделять хронологические и территориальные факторы, формировавшие особые группы советских людей. При этом сама идея советскости хотя и была важной для официальной идеологии СССР, но не могла быть до конца формализована, что порождало проблемы с определением, кто такой советский человек. В современной России идея «советского человека» продолжает жить, но уже в рамках идеологических фантомов.

Ключевые слова: советский человек, Homo soveticus, история понятий.

Цитирование: Фокин А.А. «Советский человек» одновременно существует и не существует // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 4. С. 238–247.
DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-238-247 / Fokin A.A. "The Soviet Man" Exists and Does Not at the Same Time, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2021. No. 4. Pp. 238–247.
DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-238-247.

© Фокин А.А., 2021

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ № 20-09-00218 «Практики взаимодействия власти и общества в позднесоветский период (1956–1985 гг.)».

“THE SOVIET MAN” EXISTS AND DOES NOT AT THE SAME TIME

Fokin Aleksandr A.

Tyumen State University,

Tyumen, Russia

a.a.fokin@utmn.ru

Abstract. This article discusses different ways of using the concept of “Soviet Man” as an analytical category. In discussing the potential use of the term “Soviet Man”, two broad contexts of the concept need to be distinguished. On the one hand, the phrase originated within the Soviet language and can be studied within the history of concepts. On the other hand, the term “Soviet Man” appears to be heavily ideologically loaded and a number of researchers put a negative context into it. In either case, it is necessary to abandon the perception of Soviet society and the Soviet individual as a homogeneous structure and distinguish between formal and non-formal structures and groups. One can distinguish chronological and territorial factors which formed specific groups of Soviet people. At the same time, the very idea of Sovietness, although important for the official ideology of the USSR, could not be formalized to the end, which gave rise to the problem of defining who was a Soviet person. In contemporary Russia, the idea of “Soviet Man” continues to live on, but within the framework of ideological phantoms.

Keywords: Soviet Man, Homo soveticus, history of concepts.

Как и любое понятие, термин «советский человек» есть порождение определенной культуры, и практически невозможно очистить его от идеологических наслоений. Хотя, учитывая достижения истории понятий, хоть в ее Кембриджском варианте, хоть в традиции Райнхарта Козеллека, сам анализ идеологического контекста использования понятия «советский человек» уже является интересной исследовательской задачей. В течение нескольких последних лет я предлагаю коллегам начать работу над созданием подобия «Исторического словаря социально-политического языка Германии», но только на материалах советской эпохи. В качестве удачного примера работы с советскими понятиями приведу недавно вышедшую статью Дэвида Бранденбергера, в которой он разбирает концепцию интернационализма и то, как она трансформировалась на протяжении истории СССР [Brandenberger, 2021].

Если говорить о потенциале использования термина «советский человек», то тут следует различать два больших контекста этого понятия. С одной стороны, это словосочетание зародилось внутри советского языка и активно в нем циркулировало. Например, в передовице газеты «Правда» от 13 апреля 1961 г. было написано: «Первый человек, проникший в космос, — *советский человек*, гражданин Союза Советских Социалистических Республик». То есть мы тут видим указание на юридический статус, что советский человек — это человек, который может достать из широких штанин советский паспорт. Но вот в материалах «Правды» от 17 марта 1960 г. по поводу спасения баржи Т-36 раскрывается другой аспект: «И они не сдались, не растерялись, в борьбе с голодом, стихией, в борьбе со смертью проявили физическую и духовную стойкость, выдержку и самообладание, достойные *советского человека*». В этом фрагменте уже видно, что советскость человека оказывается связана не с юридической категорией, а с морально-нравственной. Советский человек — это лучшая версия обычного человека. Предполагалось, что советский человек, в отличие от большинства людей, выросших в капиталистической среде, не склонен к эгоизму, его не интересуют потребление и морально сомнительные вещи вроде порнографии или казино, а наоборот — он стремится к высоким образцам культуры и старается помогать своим товарищам. Есть хороший пример этого противопоставления на материале советских выборов — темы, которой я активно занимаюсь. Так, американский журналист, побывавший в СССР в качестве наблюдателя, отмечал, что советские люди не делают ставки и пари на исход выборов, что было характерно для избирателей в США. Его советский коллега отвечал на это, что для советских людей не свойственен дух капитализма и азарта и к выборам они относятся серьезно. Можно сказать, что «советский человек» является веберовским идеальным типом. Когда мы обращаемся к дневнику Степана Подлубного, то как раз видим, что он стремится соответствовать этой идеальной модели «советского человека».

Интересно, что несмотря на идею равенства, в советской системе всегда существовали зримые иерархические группы. Самый явный пример — члены партии, которые должны были (хотя на практике это было далеко не всегда и везде) быть

примером и образцом для остальных. Как и во многих других понятиях, было крайне затруднительно сформировать четкую рамку понимания советскости, даже когда делались попытки формализации, например, принятый «Моральный кодекс строителей коммунизма» оказывался слишком расплывчатым и не охватывал всех аспектов нормативного поведения.

Термин «советский» был маркером не только в официальной речи, но и проникал в язык людей, которые были нелояльны к системе:

- «— Толя, — зову я Наймана, — пойдете в гости к Леве Друскину.
- Не пойду, — говорит, — какой-то он советский.
- То есть, как это советский? Вы ошибаетесь!
- Ну, антисоветский. Какая разница».

В отрывке из «Соло на ундервуде» Сергея Довлатова видно, что люди описывали друг друга категориями советский/антисоветский; в этом конкретном примере понятию «советский человек» свойственна негативная коннотация: общение с таким человеком затруднительно. Всё это показывает, что невозможно отказаться от понятия «советский человек» — оно было важной категорией языка советского прошлого.

С другой стороны, если обсуждать понятие «советский человек» как элемент современного аналитического языка, то тут ситуация сложнее. Лично я выступаю резко против популярного понятия «Homo soveticus», которое по сути является перевертышем «советского человека», можно даже сказать — его кривым зеркалом. Популяризированный Александром Зиновьевым термин потом стал базисом большого исследовательского проекта Юрия Левады и превратился в востребованную аналитическую категорию. Если официальный язык в СССР наделял «советского человека» исключительно положительными качествами, то при описании «Homo soveticus», напротив, акцент делался на негативных аспектах: воровстве, пьянстве, лукавстве, безнравственности и т.п. Понятна популярность идеи «Homo soveticus» после распада Советского Союза, поскольку она позволяла и преодолеть наследие советского прошлого, и в случае чего переложить ответственность за неудачи реформ на живучесть элементов «Homo soveticus» среди россиян. Как отмечают в своем исследовании Михаил Безносков и Александр Голиков, тексты «Левада-Центр» о «советском человеке» — это стремление создать определенную мифологию через эклектичную конструкцию, которая наделяла создателя дискурса «монополией на правду» [Безносков, Голикова, 2021]. Естественно, в современных условиях такой серьезный идеологический довесок перечеркивает все потенциальные бонусы от использования идеи «Homo soveticus». В работах Юрия Левады и Льва Гудкова создается образ человека лукавого, лицемерного, для «Homo soveticus» никакой морали не возникает [Гудков, 2019]. С такой позицией я согласиться не могу, ибо поиски подобных черт в советском обществе, по большому счету, абсурдны, ибо при желании аналогичные характеристики можно найти как в других эпохах, так и в других странах. Что, неужели в Российской империи или

в Московском царстве люди не были лукавыми или не были склонны к двоемыслию? Вряд ли можно считать большевиков таким коллективным многоголовым змеем-искусителем, который привел народ к грехопадению, из чистых и светлых людей превратил их в аморальных субъектов, и эта аморальность продолжает воспроизводиться и после конца СССР. По сути, сторонники такого подхода воспроизводят логику советской эпохи, в которой социальные проблемы объяснялись «родимыми пятнами» капитализма. Если человек пьет, хулиганит и ворует — это он не до конца стал советским человеком, а тут получается, что, если человек пьет, хулиганит и ворует — это он все еще остается советским человеком. На мой взгляд, пока в историческом сообществе, особенно русскоязычном, не будет проведена серьезная рефлексия о языке описания советского, весьма сложно будет избежать идеологических и публицистических ловушек. Это в очередной раз возвращает меня к идее о необходимости большого проекта по истории понятий советской эпохи.

Как и любая дисциплина, история должна работать с генерализацией и обобщениями. Иначе возникнет ситуация как в произведении Хорхе Луиса Борхеса, где картографы создали самую подробную карту Империи размером с саму Империю, тем самым сделав карту бесполезной. Исследователям следует держать определенный масштаб и тем самым стараться увидеть не только уникальные, но и общие черты. Есть хорошая аналогия с солеными огурцами: если взять несколько огурцов разных размеров и форм и поместить их в соленый раствор, то несмотря на свое различие они приобретут общее свойство, которое позволит обозначать их как «соленые огурцы». Похоже работает и рамка «советское...», которая позволяет видеть и находить в разных феноменах общие признаки.

При этом я открыто говорю, что никакого монолитного советского общества или человека не существовало. Советская история захватывает несколько поколений, и короткий XX век оказался настолько богат событиями, что в итоге люди, которые, например, вступали в партию в 1918 г., имели радикально другой опыт и систему ценностей, нежели вступившие в нее в 1988-м. Можно ли их описывать одинаковым термином «советский человек»? Получается, что одновременно можно и нельзя. А помимо хронологического деления существуют и географические рамки. Советские люди в Челябинске, Риге и Баку были похожи и не похожи друг на друга. В 2021 г. мы с коллегами из ИГИТИ НИУ ВШЭ в рамках зеркальной лаборатории «Поздне/Постсоветское: ценности, практики, акторы» проводили воркшоп «Пространство позднесоветское: гомогенность или гетерогенность?», в центре которого стоял вопрос о том, можно ли говорить, что в разных частях страны процессы протекали синхронно, или в одном регионе можно наблюдать признаки застоя, в то время как другая территория активно развивалась. Говоря о территориальном аспекте, необходимо указать на перекокс исследовательской оптики в сторону Москвы и Ленинграда. Конечно, это можно легко объяснить и огромным значением этих городов в жизни страны, и обилием источников как архивных, так и эго-документов. Но все равно остается проблемой, когда материалы, полученные

на относительно небольшой территории, потом экстраполируются на остальные части страны. Так одно из главных критических замечаний по отношению к книге Алексея Юрчака о последнем советском поколении заключается в том, что это самое последнее поколение советских людей изображено представителями относительно небольшой группы жителей столиц. Можно поставить резонный вопрос о том, насколько «воображаемый Запад» был актуальной категорией для жителей сёл на Алтае. Если исследователи раннесоветского периода и сталинизма активно работают с материалами сельской местности, то из работ по позднесоветскому периоду деревня практически исчезает, появляясь разве что в связи с реформами сельского хозяйства.

Помимо хронологической и географической стратификации советского, следует помнить, что не существует гомогенного общества. Советский период в этом плане не исключение. На протяжении всей советской истории существовало множество различных групп, как больших, так и малых, как явных, так и неочевидных. При этом в русскоязычной историографии устоялось такое клише, как «власть и общество», где эти две категории противопоставляются друг другу. Получается, что представители власти не были частью общества? Первый секретарь обкома не ходил в школу и институт? Не смеялся над комедиями Гайдая? Не болел за советских хоккеистов? Я уже не говорю о том, как можно ограничить круг людей, причастных к власти? Машинистка в ЦК КПСС – она власть или общество? Да и общество как единая монолитная конструкция из всех граждан СССР, не причастных к принятию решений, выглядит слишком неуклюжей категорией. Относительно просто обстоит дело с группами, которые открыто противопоставляли себя советской системе, например, с рядом религиозных движений, считавших советскую власть безбожной. Или преступные элементы, для которых основными нормами были воровские понятия, а не писаное право. Но часто бывали ситуации, когда одна группа воспринимала себя как носителей правильной версии советского, а другие группы видели в них проявления антисоветскости. Самый известный пример такого столкновения – зарождение диссидентского движения и требования соблюдать советскую конституцию. То есть первоначально определенная группа людей видела в действиях представителей власти нарушение принципов социалистической законности и тем самым оспаривала право на авторитетный дискурс, в то время как для представителей властей апелляция к советской конституции выглядела как нарушение общественного договора и выходила за рамки нормы советскости. Я довольно часто работаю с письмами граждан в разные органы, и там можно заметить, что формируются определенные тематические кластеры, и люди из разных мест, не сговариваясь, пишут про одни и те же проблемы. Таким образом, можно внутри «советского общества» увидеть определенные группы, хотя они и не были никаким образом оформлены и форматизированы. Например, когда в письмах люди пишут, что надо что-то делать с привилегиями советской номенклатуры (дачами, машинами, закрытыми магазинами), ибо номенклатура живет лучше, чем основная масса населения, но при этом получает доход не от физической работы, то мы видим проявление «моральной экономии социализма». Человек не оспаривает

сами принципы советской системы — наоборот, он видит в них справедливость, но в окружающей действительности он замечает, что эти принципы нарушаются, и у него возникает желание приблизить реальность к внутреннему представлению о норме.

Я достаточно часто общаюсь со школьниками и студентами, и они воспроизводят устойчивый стереотип о почти полной изоляции СССР от других стран. Идея непроницаемого «железного занавеса» и непримиримого противостояния в эпоху холодной войны пережила эту самую войну и продолжает играть важную роль в восприятии советского прошлого. Хотя в последнее время появилось достаточно много работ, которые на очень разных материалах показывают, что социалистические и капиталистические страны почти весь XX век оказываются неразрывно связаны. Конечно, были периоды потепления и охлаждения отношений, когда страны сближались или отдалялись друг от друга. Но важно помнить, что СССР, даже в период идеи «осажденной крепости», не отделял себя от мирового сообщества. На уровне советского дискурса доминировала идея интернационализма (тут я еще раз сошлюсь на работу Дэвида Бранденбергера), и СССР позиционировал себя как страна, которая прокладывает путь в светлое будущее всем остальным державам. Неслучайно в Советском Союзе активно переводили мировую классику, а советские ученые стремились исследовать самые отдаленные уголки планеты.

Одновременно с этим чувством превосходства существовало и постоянное стремление признания на Западе. Алексей Голубев справедливо пишет о важности взгляда иностранца для формирования советской идентичности [Голубев, 2018]. Этот взгляд был одновременно желанен и опасен, поскольку мог принести как чувство гордости, так и ощущения стыда. Алексей Юрчак [Юрчак, 2014] в свою очередь подчеркивает важность «воображаемого Запада» для позднесоветских жителей городов. Так, заграничные вещи и модные тренды, подсмотренные в иностранных фильмах и журналах, оказывались для советских людей привлекательнее того, что выпускала советская легкая промышленность. Так в фильме «Самая обаятельная и привлекательная» подруга главной героини Сусанна, которая наделена множеством прогрессивных черт, ведет Надю за вещами к фарцовщику. Но даже советские руководители были не чужды западным влияниям: считается, что товарищ Сталин любил смотреть голливудские приключенческие фильмы, например про Тарзана [Бурменко, 2014]; есть данные, что маршал Жуков был любителем кока-колы, и для него даже специально выпускали обесцвеченную версию [O'Callagha, 2018]; Анастас Микоян после визита в США проникся идеей фаст-фуда и планировал организовать выпуск советских «хamburgerов» [Глущенко, 2010]; по воспоминаниям сына, Никита Хрущев активно пользовался немецкими магнитофонами UHER и Grundig и шведским фотоаппаратом Hasselblad [Хрущев, 2001]; Леонид Брежнев был ценителем зарубежных машин, а в мемуарах его переводчика Михаила Суходрева есть эпизод, как Брежнев восхищается курткой президента США Форда и получает ее в качестве подарка [Суходрев, 2008]. Можно задать риторический вопрос, а делает ли любовь к западным вещам советских руководителей менее советскими?

На мой взгляд, в этом плане весьма показательны советские СМИ, особенно в сравнении с западными. Если газеты и ТВ в США или Европе будут прежде всего освещать ситуацию в своей стране, то советские масс-медиа всегда стремились информировать граждан о положении в мире. Как дела у партизан во Вьетнаме, почему бастуют рабочие во Франции. Хотя советский человек был ограничен в передвижении по миру, мир для него был глобальной деревней – даже в большей степени, чем для среднего жителя капиталистических стран. Можно сказать, что если «футляр» и был, то было как минимум несколько его версий, и каждый раз «футляры» собирали из множества весьма различных фрагментов, включая элементы, которые заимствовали, в том числе и с Запада.

Парадоксальным образом даже через 30 лет после формального окончания существования Советского Союза в России активно действует группа людей, считающих себя «гражданами СССР», убежденных, что де-юре СССР продолжает существовать, и даже осуществляющих выдачу «паспортов». Можно, конечно, смотреть на это явление снисходительно, но для социальных исследователей это весьма интересное поле, демонстрирующее постсоветский синкретизм и значительную притягательность образа СССР для значительной части населения страны. Признаками сохранения наследия советского являются и ностальгические меди-апродукты, самым известным из которых является цикл передач «Старые песни о главном». Аналогичные тенденции можно увидеть и в коммерческом секторе, где бренд «советское» активно используют для привлечения покупателей. Если в конце 1980-х–начале 1990-х гг. советские товары воспринимались критически, то в 2000-е и 2010-е «советское качество», «советский рецепт», «советский вкус» для значительной части населения приобрели положительную коннотацию. Все это, на мой взгляд, свидетельствует о большой роли советского наследия в современном российском обществе. Это подтверждают и социологические опросы, согласно которым брежневская эпоха оказывается самым привлекательным временем в истории страны. На мой взгляд, в значительной степени это связано с огромной травмой от распада СССР и социальной катастрофы 1990-х гг., которая до конца не осмыслена и не проработана. Этот опыт жизни в катастрофе превращает советское прошлое в ностальгическую утопию, и застой оборачивается стабильностью и уверенностью в завтрашнем дне. И даже не сам СССР, а именно эта травма оказывает влияние на поколение 35+.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Безносков М.А., Голиков А.С. Конструирование образа советского человека в дискурсе современной либеральной социологии (кейс текстов «Левада-Центра») // *Журнал политических исследований*. 2021. № 1. С. 36–53.

Бурменко К. Любимые фильмы Сталина // URL: <https://rg.ru/2014/05/10/kinostalinasite.html> (дата обращения – 29 ноября 2021 г.).

Глуценко И.В. *Общепит. Микоян и советская кухня*. М.: Изд. Высшей школы экономики, 2010. 240 с.

Голубев А. Западный наблюдатель и западный взгляд в аффективном менеджменте советской субъективности // *После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985): сборник статей*. Под ред. А. Пинского. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 219–255.

Гудков Л. Для человека советского никакой морали не существует. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/22/dlya-cheloveka-sovetskogo-nikakoj-morali-ne-sushhestvuet/> (дата обращения – 29 ноября 2021 г.).

Суходрев В. *Язык мой – друг мой*. М.: Тончу, 2008. 536 с.

Хрущев С. Н. *Хрущев*. М.: Вагриус, 2001. 447 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 664 с.

Brandenberer D. Global and Transnational in Form, Soviet in Content: The Changing Semantics of Internationalism in Official Soviet Discourse, 1917–1991 // *The Russian review*. 2021. Vol. 80. Iss. 4. Pp. 562–580.

O'Callaghan T. *White Coke: The capitalist drink Soviet generals couldn't get enough of*. URL: <https://www.rbth.com/history/329354-white-coke-zhukov-favorite-drink> (дата обращения – 29 ноября 2021 г.)

REFERENCES

Beznosov M.A., Golikov A.S. Konstruirovaniye obraza sovetskogo cheloveka v diskurse sovremennoy liberal'noj sociologii (keys tekstov "Levada-Centra") [Constructing the Image of the Soviet Man in the Discourse of Modern Liberal Sociology (Case Study of Levada-Center Texts)], in *Zhurnal politicheskikh issledovanij*. 2021. No. 1. Pp. 36–53 (in Russian).

Burmenko K. *Ljubimye fil'my Stalina* [Stalin's favourite films]. Available at: <https://rg.ru/2014/05/10/kinostalina-site.html> (accessed 29 November 2021).

Glushhenko I.V. *Obshhepit. Mikojan i sovetskaja kuhnja* [Catering. Mikoyan and Soviet Cuisine]. Moscow: Izd. Vyshej shkoly jekonomiki, 2010. 240 p. (in Russian).

Golubev A. Zapadnyj nabljudatel' i zapadnyj vzgljad v affektivnom menedzhmente sovetskoj subektivnosti [The Western Observer and the Western View in the Affective Management of Soviet Subjectivity], in *Posle Stalina: pozdnesovetskaja subektivnost' (1953–1985): sbornik statej* [After Stalin: late Soviet subjectivity (1953–1985): collection of articles]. Ed. by A. Pinskogo. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Saint Petersburg, 2018. Pp. 219–255 (in Russian).

Gudkov L. *Dlja cheloveka sovetskogo nikakoj morali ne sushhestvuet* [There is no morality for a Soviet man] Available at: <https://www.levada.ru/2019/04/22/dlya-cheloveka-sovetskogo-nikakoj-morali-ne-sushhestvuet/> (accessed 29 November 2021).

Suhodrev V. *Jazyk moj – drug moj* [My Language is My Friend]. Moscow: Tonchu, 2008. 536 p. (in Russian).

Hrushhev S.N. *Hrushhiov* [N. Khrushchev]. Moscow: Vagrius, 2001. 447 p. (in Russian).

Jurchak A. *Jeto bylo navsegda, poka ne konchilos'.* *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It as forever until it was over. The Last Soviet Generation]. Moscow: NLO, 2014. 664 p. (in Russian).

Brandenberer D. Global and Transnational in Form, Soviet in Content: The Changing Semantics of Internationalism in Official Soviet Discourse, 1917–1991, in *The Russian review*. Vol. 80. Iss. 4. Pp. 562–580.

O'Callaghan T. *White Coke: The capitalist drink Soviet generals couldn't get enough of.* Available at: <https://www.rbth.com/history/329354-white-coke-zhukov-favorite-drink>. (accessed 29 November 2021).

Статья принята к публикации 10.12.2021

«НЕЛИБЕРАЛЬНЫЙ» СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК: ИДЕАЛ ВСЕСТОРОННЕ РАЗВИТОЙ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СОЦИАЛИЗМА

Чернявская Юлия Юрьевна

Университет Ратгерс,

Нью-Джерси, США

yulia.chernyavskaya@rutgers.edu

Аннотация. В статье рассматривается советский проект создания нового человека в период зрелого социализма через деятельность Всесоюзного общества «Знание» — официальной и массовой организации советской интеллигенции, призванной распространять научные и политические знания среди населения СССР. Анализируя интервью с бывшим работником Общества, я обращаюсь к поздне-советскому идеалу гармоничной всесторонне развитой личности и к тому, какое значение этот идеал имел для советских граждан. К 1970-м гг. всесторонне развитая личность, человек, полностью реализовавший весь свой творческий потенциал, оказались в центре советского проекта, стали его самоцелью.

Советская идеология уделяла колоссальное внимание «личности социалистического типа» не только на словах: огромные ресурсы были устремлены на воплощение этого идеала в действительность. Зачастую исследователи интерпретируют советский опыт с нормализующей позиции либерального субъекта и не воспринимают официальные государственные институты в СССР как источник смыслов для советских граждан. Статья отмечает ограниченные возможности такого подхода, поскольку проект формирования нового советского человека был эксплицитно не либеральным, и предлагает изучать *нового советского человека* с «нелиберальной» позиции, то есть на языке самого исторического субъекта.

Ключевые слова: советский человек, субъективность, устная история, поздний социализм, (не)либеральный субъект, пропаганда, знание, образование.

Цитирование: Чернявская Ю.Ю. «Нелиберальный» советский человек: идеал всесторонне развитой личности в эпоху позднего социализма // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 4. С. 248–262. DOI 10.185722/2500-3224-2021-4-248-262 / Chernyavskaja Yu.Yu. "Illiberal" Soviet Subject: Soviet Ideal of the Well-Rounded Individual in the Late-Socialist Period, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2021. No. 4. Pp. 248–262. DOI 10.185722/2500-3224-2021-4-248-262.

© Чернявская Ю.Ю., 2021

“ILLIBERAL” SOVIET SUBJECT: SOVIET IDEAL OF THE WELL-ROUNDED INDIVIDUAL IN THE LATE-SOCIALIST PERIOD

Cherniavskaia Yulia Yu.

Rutgers University,
NJ, USA

Yulia.chernyavskaya@rutgers.edu

Abstract. This paper explores the Soviet project of creating a New Man during late-socialism. It focuses on a large and official Soviet learning institution, the Soviet Society for the Dissemination of Knowledge (Znanie, [English: “Knowledge”]). Znanie was a mass organization of Soviet intelligentsia that popularized and disseminated knowledge across the USSR. Analyzing an interview with a former Znanie activist, I examine the late-Soviet ideal of harmonious and well-rounded individual as a source of intense meaning. By the 1970s, a well-rounded person able to fully realize their creative potential became the focus and the end goal of the Soviet project. Soviet ideology was massively invested into creating “an individual of a socialist type” in terms of effort and allocated resources. Oftentimes, scholars interpret the Soviet experience from an assumed liberal standpoint, and do not regard official state institutions in the USSR as sources of meaning for ordinary citizens. The paper challenges this approach by exploring how late-Soviet ideology produced explicitly non-liberal subjects, and seeking to treat them on their own terms, without a priori distinguishing between private and public spheres, authentic belief and inauthentic posturing.

Keywords: New Soviet Man, subjectivity, oral history, late-socialism, (il-)liberal subject, propaganda, knowledge, education.

В своей книге «Время сэконд хэнд» из документально-художественного цикла «Голоса Утопии» Светлана Алексиевич запечатлела момент распада Советского Союза в начале 1990-х гг. в записях многочисленных бесед с бывшими гражданами СССР – «участниками социалистической драмы». «Безумный план» коммунизма переделать «старого» человека в нового – это «может быть, единственное, что получилось» за семьдесят лет советской власти, по мнению Алексиевич. Автор относится к этому проекту «выведения нового типа человека» в «лаборатории марксизма-ленинизма» без симпатии, полученный результат называет «*homo soveticus*» – человек, живущий в иллюзии, сросшийся с государством, не замечающий своего рабства и даже любящий его [Алексиевич, 2013, с. 7–8]. И тем не менее некоторые из «голосов», которые Алексиевич поместила в свою книгу, проникнуты чувством утраты и горести по исчезнувшей цивилизации и ее гуманистическим идеалам нового человека. Например, одна из ее собеседниц выразила разочарование в том, что читающий «приличный» человек куда-то исчез или стал не нужен с приходом капитализма, а вместо него появились агрессивные и эгоистичные люди: «Книги разочаровали. Полное разочарование. Стало уже неприлично задавать вопрос: “А что ты сейчас читаешь?” ... Куда-то исчезли приличные люди. Всюду локти и зубы». Другой собеседник Алексиевич похожим образом говорит о том, что человеческое в человеке стало определяться не образованием и знанием гуманитарных наук, а деньгами: «Откуда-то появились совсем другие люди – молодые ребята в малиновых пиджаках и с золотыми перстнями. И с новыми правилами игры: деньги есть – ты человек, денег нет – ты никто. Кому это интересно, что ты Гегеля всего прочитал? “Гуманитарий” звучало как диагноз» [Алексиевич, 2013, с. 21, 23]. В этих словах звучит разочарование в том, что наличие денег, способности пробиваться «зубами» и «локтями», а не прочитанные книги и знание гуманитарных наук определяют ценность человека, и главным вопросом стал вопрос «Сколько у тебя денег?», а не «Что ты читаешь?». Эти и другие интервью Алексиевич отражают растерянность в новых условиях постсоветского общества, когда гуманистические советские идеалы и ценности внезапно потеряли свою силу. Один из этих идеалов, утрата которого болезненно переживалась некоторыми героями интервью Алексиевич в 1990-е гг., а также героями интервью, проведенных мною в 2020–2021 гг. – это проект создания *нового советского человека*, главным воплощением которого в поздний советский период стал идеал гармоничной всесторонне развитой личности.

В этом небольшом эссе я попытаюсь ответить на некоторые из вопросов нашей дискуссии, опираясь на прочтение одного из интервью, записанных мною в рамках моего исследования. В своем исследовании я рассматриваю позднесоветский идеал гармоничной и всесторонне развитой личности и то, как он воплощался на практике в работе Всесоюзного общества «Знание» – массовой организации советской интеллигенции по популяризации всех отраслей науки, политических знаний, культуры и искусства среди населения Советского Союза в послевоенное время и до распада СССР в 1991 г. Прежде чем приступить к этим материалам, я бы хотела обсудить, как в современных исследованиях освещаются вопросы формирования советского человека и социалистического типа личности в послевоенные годы и в эпоху позднего социализма.

Мы довольно много знаем о проекте нового советского человека в контексте революций 1920-х и 1930-х гг. благодаря многочисленным исследованиям историков, антропологов, социологов и политологов. В их работах воссозданы дискуссии революционных лет о том, каким должен был стать человек нового типа, как формировался этот человек в 1930-е гг., какой была его система ценностей и смыслов, как он взаимодействовал с идеологией и т.д. [Kotkin, 1995; Hanson, 1997; Kharkhordin, 1999; Halfin, 1999; Hellbeck, 2006]. Подобная по масштабу и результатам работа по осмыслению концепции и понятия *новый советский человек* для более поздних периодов советской истории еще только ожидает своих исследователей. Таким образом, остается открытым вопрос о том, насколько исследователи позднего социализма могут опираться на результаты и теоретические рамки, предложенные в работах, посвященных первым десятилетиям советского проекта формирования нового человека. Как убедительно показала Анна Крылова, в историографии сложился устойчивый нарратив, который подразумевает, что фундаментальные идеологические основы, заложенные большевиками в проект создания нового человека в послереволюционные годы, остались по большому счету неизменными до распада Советского Союза и стагнировали вместе с советским проектом в целом. При этом идеологический проект создания советского человека после войны остался малоизученным, так как исследователи некритично экстраполировали антииндивидуалистский и коллективистский культурный сценарий большевиков, наиболее авторитетно описанный Стивеном Коткиным, на более поздние периоды [Krylova, 2014]. В частности, как отмечает Крылова, ставшие главным языком анализа для историков и антропологов категории Коктина не всегда в состоянии объяснить того, почему и каким образом дискурс коллективизма и антииндивидуализма сменился фокусом на личность и ее внутренний мир, а концепции «личного» и «индивидуального» стали предметом постоянного внимания как в частной, так и в публичной, официальной сферах уже в 1930-е гг., и особенно в послевоенное время [Бибков, 2014; Pinsky, 2017; Clark, 2011]. В связи с этим мы еще недостаточно понимаем, как именно идеал нового советского человека, сформулированный в 1920-е гг., трансформировался в последующие десятилетия и как менялось отношение к нему. Или же, наоборот, этот идеал еще более кристаллизовался и солидифицировался, как, например, утверждает Олег Хархордин в своей книге «Обличать и лицемерить»? Каким должен был стать идеальный советский человек после того, как он уже был создан? Как создавался новый человек в эпоху позднего социализма? Как обычные советские люди взаимодействовали с идеалом нового человека? В чем заключалась важность гуманитарного знания в советской идеологической концепции нового человека и почему эта важность исчезла с распадом СССР, о чем в частности свидетельствуют интервью Алексиевич, приведенные выше?

Другая тенденция в современной историографии состоит в том, что многие исследователи позднесоветского периода неизбежно приходят к выводу о крахе советского проекта в целом и проекта создания нового человека в частности (или о том, как попытки воплотить идеал в реальность привели к противоположным

результатам). Так, например, Виктория Смолкин пишет о том, что одна из важнейших задач советского проекта создания нового человека – формирование у него атеистического мировоззрения – в итоге так и не была реализована, Алексей Юрчак – о том, что «нормальные советские люди» не стали сознательными активистами и строителями коммунизма, а, наоборот, оказались довольно равнодушными к идеологическим лозунгам и призывам, Марк Липовецкий – о том, что у советской власти не получилось создать альтернативу либеральному субъекту, и т.д. [Smolkin, 2018; Юрчак, 2014; Lipovetsky; 2013]. В результате при разговоре о советском человеке мы зачастую оказываемся в трудном положении, между двумя крайностями: гуманистическим идеалом трансформации человека для создания более счастливого и справедливого социалистического общества и зачастую уродливым результатом воплощения этого идеала в советской практике зрелого социализма [Soboleva, 2017]. В позднее советское время результатом усилий создания нового человека стал homo sovieticus, «совок» или даже «гомосос» – с такими устойчивыми негативными чертами, как безынициативность и безразличие, зависимость от власти и постоянное стремление уйти во «внеаходимость», циничность и повседневное двоемыслие, «военная психология», незамечание собственного рабства и даже любовь к нему [Зиновьев, 1986; Левада, 1991; Юрчак, 2014; Алексиевич, 2013]. Такое представление о целом советском поколении, которое иногда видится как ненужное и испорченное, существует и сегодня¹.

В результате советская идентичность и субъективность после Сталина зачастую редуцируются к некоторому уходу советского человека во «внутреннюю эмиграцию», его превращение в «человека в футляре», занятого поиском пространств, свободных от государственной идеологии, будь то прослушивание «радиоголосов», работа в кочегарках, разговоры на кухнях или даже просто дружба. (Про дружбу как способ уйти от официальной советской идеологии или даже противостоять ей см.: [Kharkhordin, 1999, p. 317–318; Fürst, 2006].) Такой односторонний подход основан на нормализованной позиции либерального субъекта, перенесенной на социалистическое общество. Стремясь «нормализовать» жизненный опыт человека в социалистическом государстве, многие исследования последних лет непропорционально фокусируются на либеральных категориях и понятиях, таких как, например, приватность и личная жизнь (privacy/intimacy), консьюмеризм, сопротивление государству (resistance), гражданское общество и т.д. [Bren, 2010; Mclellan, 2011; Ghodsee, 2018; Ivanova, 2017; Chernyshova, 2013; Kozlov, 2002; Waldstein, 2008]. Проецируя эти понятия на эксплицитно нелиберальное общество, основанное на других идеалах и категориях, исследователи нормализуют опыт «обыкновенного советского человека», показывая, что он, как и понятный нам либеральный субъект, мог жить наполненной и счастливой жизнью вопреки советскому государству (например, создавая сообщества, параллельные государству, вне официальной идеологии, или

---

¹ Например, один из моих информантов, бывший популяризатор науки в Грузинской ССР, говоря о реформах Саакашвили в Грузии, сказал: «Он [Саакашвили] сказал, что тот, кто родился в Советском Союзе – их надо слить. И практически всех... ну вот так, не надо этих людей. За пятьдесят кто был – всех уволили».

участвуя в теневой экономике). Таким образом, поиск фрагментов автономного (прото-) либерального субъекта стал центральной повесткой в историографии, в которой советский человек зачастую становится «нормальным», если он приобретает знакомые качества либерального индивида (об этом подробнее, и особенно касательно исследований эпохи сталинизма, см.: [Krylova, 2000, p. 120]).

Эта либеральная парадигма справедливо описывает многие качества и опыт советских людей в позднем СССР, но тем не менее ее возможности для исследователей ограничены, потому что она упускает из вида «нелиберальность» советского субъекта, и с ее помощью сложнее объяснить, например, чувство утраты и сожаления героев Алексиевич о том, что с распадом СССР наличие денег и возможности покупать становится важнее гуманитарного знания и полностью прочитанных томов Гегеля. Для нормализации советского опыта и советского человека, однако, не обязательно рассматривать его с либеральной позиции – в пространствах, скрытых от государственной идеологии, в сообществах, так или иначе сопротивлявшихся или не поддающихся этой идеологии (диссиденты, хиппи, сектанты и т.д.). Вместо этого (или в дополнение к этому) мы можем обратиться к официальной советской идеологии и к тому, как советская пропаганда воспроизводила дискурс создания советского человека в эпоху позднего социализма. Исследователи зачастую не воспринимают этот дискурс всерьез, т.к. он представляется слишком окостеневшим и ритуализированным [Юрчак, 2014]. Тем не менее я предлагаю обратить внимание именно на официальную и идеологическую массовую организацию – Всесоюзное общество «Знание», через деятельность которой, я думаю, мы можем лучше понять советский гуманистический идеал (всесторонне развитой) личности и то, какое значение он имел для граждан СССР. Стоит также обратить внимание на то, что концепция «советский человек» в данном случае – это не каждый конкретный человек из множества различных людей, проживавших в Советском Союзе, а советский идеал и проект, к которому апеллировало «Знание» и другие исторические субъекты, как, например, бывшие лекторы Общества. Следуя этому идеалу, Советское государство объявило своей миссией сформировать каждого советского гражданина как носителя высокой сознательности, культуры и знания. Формирование всесторонне развитого человека было объявлено самоцелью коммунистического строительства и главным гуманистическим смыслом коммунизма [Константинов, 1976, с. 15–26; Волков, 1973]¹. Общество «Знание» стало массовой советской организацией, которая транслировала идеал культурного, начитанного, хорошо образованного человека каждому советскому гражданину и стремилась сделать каждого всесторонне развитым человеком². Поиск этого

---

¹ Так, например, статья 20 Конституции СССР 1977 г. гласила: «В соответствии с коммунистическим идеалом “Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех” государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности».

² Только в 1977 году Общество «Знание» организовало 25,5 млн лекций по различным отраслям знаний, с суммарной аудиторией более миллиарда человек, что означает, что в среднем обычный советский человек посещал лекции Общества 4 раза в год. См: [Ордена Ленина..., 1978, с. 8].

идеала оказал влияние на жизни миллионов советских людей, и расставание с ним в 1990-е гг. оказалось болезненным для многих. Одним из свидетельств того, что идеал нового, осознанного и самореализованного человека оставил продолжительный отпечаток в жизни людей, которые занимались его претворением на практике, могут быть интервью с бывшими лекторами и работниками Всесоюзного общества «Знание».

В июне 2021 г. я встретилась с Нино в кафе в здании Грузинской академии наук на проспекте Руставели. «Я была рада, что вы позвонили и сказали, что интересуетесь этим вопросом», — сказала Нино во время нашего разговора. В 1970–1980-е гг. Нино работала референтом и лектором республиканского отделения Всесоюзного общества «Знание» Грузинской ССР при Академии наук. В Академии Нино занималась организацией лекций для сотрудников Президиума АН, академиков и профессоров, преподавателей университетов, подбирала лекторов среди «целой армии профессоров» для чтения публичных или заказанных различными предприятиями лекций. Нино также читала лекции о литературе и грузинском языке в техникумах, школах, дворце молодежи. По словам Нино, самым ценным в работе Общества «Знание» было предоставление возможности духовного развития для всех, кто приходил в лекторий Общества послушать лекции на самые разные темы — о международном положении, литературе, геологии или музыке. «У нас были очень хорошие лекторы, прямо уникальные, они знали, как с аудиторией общаться, — вспоминает Нино и добавляет: — А сейчас говорить не могут, вот когда выступают по телевизору — слушать не хочется». Нино с ностальгией вспоминает о лекторах из Академии наук и о лекциях в Обществе, которые она не только организовывала, но и посещала сама. Эти лекции, в представлении Нино, обладали огромной ценностью для всего советского общества, потому что несли в себе абсолютное и универсальное благо для человека — знания, или, в формулировке Нино, *духовное богатство*. Нино рассказывает, что лекторий Общества в центре Тбилиси был всегда заполнен благодарными слушателями, которые приходили после работы или учебы, чтобы узнать что-то новое. «После этих лекций, — рассказывает Нино, — они звонили нам, что вот какое духовное богатство приняли, что как они летают на седьмом небе — вот так да, они звонили и благодарили нас, это было так хорошо». По мнению Нино, «Знание» и знания помогали людям становиться лучше, «гораздо более похожее на человека»: «Тогда вот *хотели не хотели*, быть может не сознательно, но это Общество помогало людям развиваться, лучше становиться». Знания, в которые Нино включает научные, политические и самые важные для нее — гуманитарные знания, являются настоящим «духовным богатством» и способны трансформировать человека, делая его «лучше». «Хотели не хотели, быть может не сознательно» — эти слова отражают понимание знания (научного и культурного) как абсолютного добра, наделенного имманентной способностью менять людей к лучшему.

В этом понимании роли знания для человека Нино выразительно транслирует советский идеал, которому служило и само Общество: идеал формирования

всесторонне развитой личности с помощью знаний и приобщения к богатствам и достижениям человеческой культуры¹. Общество «Знание» ставило одной из своих важнейших задач «духовное возвышение личности» и считало, что «без высокого уровня культуры, образования, общественной сознательности, внутренней зрелости людей коммунизм невозможен», поэтому «формирование нового человека является не только результатом, но и важнейшим условием строительства нового общества» [ГАРФ, ф. Р-9547, оп. 1, д. 3940, л. 21; ЦГАМО, ф. П-1152, оп. 1, д. 64, л. 21]². Мечта о том, что каждый советский человек начнет испытывать потребность стать всесторонне развитой и «духовно возвышенной» личностью, читается, например, в воспоминаниях К. Ильинича о создании одного из первых в стране сельских народных университетов культуры в районном центре Урене Горьковской области в начале 1960-х: «Нужно зажечь в них [колхозниках и рабочих] негасимое желание — знать! Чтобы каждый колхозник ни одного дня не мог жить, не узнав нового, чтобы он шел в кино, на лекцию, больше выписывал газет и журналов» [Ильинич, 1965, с. 18]. Новое знание и приобщение к всемирной культуре видится как жизненная необходимость (без него невозможно прожить и дня) или как средство для того, чтобы, словами Нино, стать «более похожее на человека». Еще одним ярким примером понимания знания как насущной потребности советского человека служит выступление одной из докладчиц на семинаре Общества по «проблемам образования трудящихся» в 1976 г.: «Общество “Знание”... интенсивно трудится над развитием потребностей человека, чтобы он чувствовал потребность общения с наукой, искусством, чтобы испытывал голод в знаниях и голод в культуре... Цель нашей деятельности — возбудить в человеке желание пойти на концерт симфонической музыки, в театр, взять в руки томик поэзии, просто так, для себя, для своего удовольствия» [ГАРФ, ф. Р-9547, оп. 1, д. 2519, л. 50].

Такое представление о советском человеке стало неотъемлемой частью официальной пропаганды советского образа жизни и формирования нового типа личности в эпоху позднего социализма. «Главной осью социалистической общественной системы является человек, растущий как творческая, *духовно богатая* личность, получающий разностороннее гармоничное развитие», — читаем в одном из отчетов отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС в апреле 1978 г. [РГАНИ, ф. 5, оп. 73, д. 251, л. 16]. «Богатый духовный мир советского человека с его высокими интеллектуальными потребностями и интересами» для пропагандистов из ЦК виделся необходимым условием для построения коммунизма [РГАНИ, ф. 5, оп. 73, д. 251, л. 16]. Для Нино это необходимое условие того, чтобы в принципе

---

¹ Одним из примеров советского представления о том, что образование, приобщение к знаниям делает людей лучше, может служить культовый советский сериал «Семнадцать мгновений весны», в котором такие лидеры нацистов, как Геббельс, Гиммлер, Геринг и другие, представлены как не имеющие высшего, а иногда даже оконченного среднего образования (что не соответствовало действительности). В советском понимании, образованный человек не мог стать нацистом, т.к. образование только улучшает и развивает людей, что неизбежно отвернуло бы их от идеологии фашизма.

² Подобными формулировками пестрят стенограммы заседаний Общества, отчеты и доклады на собраниях Общества.

быть человеком: «Человека, который не думает о своем душевном развитии, я не считаю человеком». В советском проекте создания личности нового типа духовное развитие, о котором говорит Нино — с помощью гуманитарного знания — было одним из самых важных компонентов. Предполагалось, что каждый советский человек, инженер, хирург, рабочий или колхозник, должен стремиться к всестороннему развитию, к пониманию и изучению мирового культурного наследия. Образ простого советского человека, знающего наизусть произведения поэтов Латинской Америки, или разбирающегося в искусстве Средневековой Европы, или увлекающегося классической музыкой, активно транслировался Обществом «Знание», в советских молодежных журналах или литературе о самовоспитании. Так, например, в одной из брошюр серии Госполитиздата «Личность. Мораль. Воспитание», вышедшей с 1979 по 1991 г., следующим образом описан повседневный диалог в вагоне поезда: «Совсем недавно в вагоне поезда я разговорился с пассажиром — соседом по купе о живописи классической и современной. Я был поражен глубиной его познаний. Хотя я сам интересуюсь этим — рисую и много читаю о живописи, — почувствовал, что отстаю от спутника в объеме знаний. Я подумал, что имею дело с искусствоведом, и спросил его об этом. Он рассмеялся и ответил: “Я слесарь Кировского завода”» [Ковалев, 1983, с. 41]. Образ слесаря завода, которого невозможно отличить от искусствоведа, ярко демонстрирует то, как виделся идеал всесторонне развитой личности, воплощенный на практике.

Для Нино приобщение к знаниям и культуре на лекциях Общества стимулировало высокие интеллектуальные потребности и интересы, возвышало человека, даже если это происходило по принуждению. «Хотели не хотели» можно отнести не только к результату деятельности Общества в деле формирования нового человека, но и к самому человеку, который «хотел не хотел», но становился лучше. «Они добровольно приходили, слушали эти лекции. Некоторых, правда, держали, вот не пускали с работы, бывало такое тоже... — рассказывает Нино. — Ну час надо сидеть на лекции. Ну они тоже, которые не самовольно заходили, потом услышали что-то новое, что-то хорошее. Быть может, не всегда, но часто услышали такое. *И они немножко выше стали, чем были.* Что-то узнали, что-то научились. А щас что?» — “А что щас?” — “Щас кошмар”. Знание само по себе, вне зависимости от интенции Общества или самого человека, для которого это знание транслировалось, как универсальное благо, делало человека *выше и лучше* — или просто делало его *человеком*. «[Эта организация] приносила, правда, распространяла знания, чтобы человек стал *нормальным* человеком. А то если мы думаем только кушать и пить, что получается? Чем от животных отличаемся? ... Сейчас многие думают только об этом, и для меня, например, это ужасно. Своим детям все время говорю — читайте много, учитесь», — рассуждает Нино. В этих рассуждениях, 30 лет спустя после распада СССР, слышится разочарование в том, что желание знать и духовно развиваться заменились желанием материального. «Щас кошмар» — переключается с героями Алексиевич, которые стали свидетелями того, как слово «гуманитарий» в 1990-е гг. трансформировалось из ценности в

«диагноз», то есть в обозначение человека неуместного, не умеющего делать ничего, кроме как «держать томик Мандельштама в руках» [Алексиевич, 2013, с. 24]. «Сейчас все зависит от денег, деньги все хотят зарабатывать, не знаю, что сейчас осталось...» – добавляет Нино. Нино рассматривает именно гуманитарное знание как базовую необходимость для духовного развития человека. «И поэзию, и литературу, и историю, и архитектуру – нельзя такое отрицать», – говорит она. Нино считает, что в советское время и благодаря Обществу «Знание» были созданы условия для такого развития, и этому уделялось очень много внимания. «Тогда правда и журналы и газеты были, у нас полно переводили и зарубежных авторов, полно было, щас... щас стараются, чтобы наши вышли за рубежом, а чтобы...» – Нино не заканчивает это предложение, но в ее словах можно услышать чувство сожаления о том, что в советское время на грузинском языке можно было читать всемирную литературу, а теперь, по ее мнению, это перестало иметь важность, и на повестке дня перевод грузинских авторов, чтобы о них узнали за пределами Грузии. Без знания о культуре и искусстве, по мнению Нино, невозможно представить не только «нормального» или «настоящего» человека, но и общество в целом. Общество «Знание» давало возможность приобщиться к мировой культуре, узнавать о жизни, культуре и искусстве других народов, что, по ее мнению, способствовало взаимопониманию между людьми, «потому что если мы не знаем культуру других – как будем дружить с другими? Один человек не может... без соседей можете вы жить?».

В словах Нино отчетливо слышится разочарование в том, что ценности, которые имели крайне важное значение в то время, когда она работала в Обществе «Знание» (1970–1980-е гг.), перестали быть востребованными в современной Грузии. Многие свои высказывания о том, как «было хорошо», Нино заканчивает тем, как стало сейчас: лекторы умели интересно рассказывать и вдохновлять аудиторию, а теперь «слушать не хочется»; люди становились лучше и выше, приобщаясь к новым знаниям и «духовному богатству», а сейчас многие думают только о том, чтобы «кушать и пить» и зарабатывать деньги; существовало огромное количество книг и журналов, рассказывавших о мировой культуре на грузинском языке, а сейчас стало важным рассказать миру о грузинской культуре; раньше «думали о человеке», а сейчас «кошмар». В этом ностальгическом нарративе Нино выразительно проглядывает советская система ценностей и «либеральный» советский человек. Человек, которого современные исследователи, смотрящие сквозь призму либерального субъекта, зачастую не принимают во внимание. В понимании Нино либеральная эпоха, в которую вошла Грузия после распада СССР, тоже отвергла эти ценности, заменив человеческое «политическим». «Надоела эта политика», – говорит Нино. – «Дайте мне по-человечески, по-человечески жить. Человек не только политик. Политика потом получается, когда я развита по какому-то вопросу, что-то понимаю, что-то знаю – потом политика». Нино считает, что «политика» мешает людям относиться друг к другу «по-человечески», мешает дружбе между народами разных стран, в частности между Россией и Грузией. «Главная миссия человечества – чтобы мы общались и дружили, – говорит

Нино. – Надо беречь себя и других, чтобы сохранить и землю, и жизнь, и радость, и все хорошее. Через культуру, через литературу. Через искусство». В ее понимании, Общество «Знание» служило именно этим «человеческим» ценностям. Идея о том, что государство с помощью такой организации, как Общество «Знание», должно заниматься возвышением и улучшением человека, едва ли является близкой для автономного либерального субъекта. Для Нино же это залог движения общества вперед. «Лучше, чтобы была такая организация, которая будет работать на просвещение людей, надо государству думать об этом», – считает она, потому что иначе «не получится у нас ничего». Таким образом, в ее понимании, Общество «Знание», просвещая людей, делая их культурнее, образованнее, «человечнее», тем самым заботилось о будущем человечества в целом. Нино наделяет этими смыслами и свою собственную работу в Обществе, рассматривая свой труд лектора и организатора лекций как небольшой, но посильный вклад в создание лучшего человека и общества. «Не будет смешным вам, если скажу, что один кусочек моей работы тоже было в том, – сказала она в самом конце нашей беседы. – Хоть мало-мало, но что-то я старалась тоже, чтобы люди были хорошие».

Несмотря на то, что Общество «Знание» было многомиллионной организацией, находилось в самом центре позднесоветской идеологической машины и курировалось отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС, история этого Общества и людей, которые в нем работали, осталась незамеченной для исследователей позднего социализма. На мой взгляд, это объясняется чрезмерным вниманием к более понятным нам либеральным категориям и ценностям. Как показала Полли Джонс, даже если в некоторых исследованиях анализируется значение «личности» и «индивидуальности» в послевоенное время, зачастую это видится как признак автономии или некоторой отстраненности от советской идеологии и советских ценностей. В связи с этим центральность личности, человека, индивида в официальном советском дискурсе часто совершенно игнорируется [Jones, 2019, p. 15–16]. Тем не менее именно к 1970-м гг. всесторонне развитая личность, человек, полностью реализовавший весь свой творческий потенциал, оказались в центре советского проекта, стали его самоцелью. Советская идеология уделяла колоссальное внимание «личности социалистического типа» – не только на словах: огромные ресурсы были устремлены на воплощение этого идеала в действительность. Разумеется, индивидуальный опыт взаимодействия Нино с этим идеалом не может быть использован для какого-либо обобщения и генерализации о «советском человеке» в целом или даже о лекторах Общества «Знание» в частности. Тем не менее Нино, впитавшая в себя советские представления о том, каким должен быть «нормальный» человек и как он должен духовно развиваться, становиться лучше, даже если против своей воли, является одним из примеров того, насколько глубоким и продолжительным оказалось влияние этого идеала на советское общество. Изучение подобного опыта с «нелиберальной» позиции, то есть на языке самого исторического субъекта, является необходимым для более полного понимания проекта формирования *нового советского человека*.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Алексиевич С.А. *Время сэконд хэнд*. М.: Время, 2013. 510 с.
- Бикбов А.Т. *Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 432 с.
- Волков Ю.Г. *Всесторонне развитая личность как категория научного коммунизма*. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 1973. 20 с.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 2519. ГАРФ. Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 3940.
- Зиновьев А.А. *Гомо советикус*. М.: Моск. рабочий, 1986. 412 с.
- Иванова А.С. *Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР*. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 297 с.
- Ильинич К.М. *Народные университеты на селе*. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1965. 88 с.
- Ковалев А.Г. *Личность воспитывает себя*. Серия Личность. Мораль. Воспитание. М.: Политиздат, 1983. 256 с.
- Константинов Ф.В. *Закономерности формирования всесторонне развитой личности // Философия и современность. К 75-летию лауреата Государственной премии академика Марка Борисовича Митина*. М.: Наука, 1976. 247 с.
- Ордена Ленина Всесоюзное общество «Знание»: краткие сведения. М.: [б.и.], 1978. 15 с.
- Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 73. Д. 251.
- Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х*. Отв. ред. Левада Ю.А. М.: Мировой океан, 1999. 299 с.
- Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. П-1152. Оп. 1. Д. 64.
- Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение*. М.: НЛО, 2014. 661 с.
- Bren P. *The Greengrocer and His TV: The Culture of Communism after 1968 Prague Spring*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2010. 264 p.
- Chernyshova N. *Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era*. London: Routledge, 2013. 280 p.
- Clark K. *Moscow the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941*. Cambridge, Mass.; London: Harvard univ. press, 2011. 420 p.
- Fürst Ju. "Friends in Private, Friends in Public: the Phenomenon of the Kompaniia Among Soviet Youth in the 1950s and 1960s // *Borders of Socialism: Private spheres of Soviet Russia*. Ed. by L. Siegelbaum. New York; Basingstoke, Hants.: Palgrave Macmillan, 2006. Pp. 229–249.
- Ghodsee K. *Why Women Have Better Sex Under Socialism: And Other Arguments for Economic Independence*. NY: Bold Type Books, 2018. 240 p.

- Halfin I. *From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia*. Pittsburgh (Pa): Univ. of Pittsburgh press, 1999. 474 p.
- Hanson S.E. *Time and Revolution: Marxism and the Design of Soviet Institutions*. North Carolina: University of North Carolina Press, 1997. 276 p.
- Hellbeck J. *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. London: Harvard university press, 2006. 436 p.
- Jones P. *Revolution Rekindled: The Writers and Readers of Late Soviet Biography*. New York: Oxford University Press, 2019. 296 p.
- Kharkhordin O. *The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices*. Berkeley: University of California Press, 1999. 406 p.
- Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995. 639 p.
- Kozlov V. *Mass Uprisings in the USSR: Protest and Rebellion in the Post-Stalin Years*. New York, London: Sharpe, 2002. 351 p.
- Krylova A. The tenacious liberal subject in Soviet studies // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. № 1(1). Pp. 119–146.
- Lipovetsky M. The Poetics of ITR Discourse: In the 1960s and Today // *Ab Imperio*. 2013. № 1. Pp. 109–139.
- McLellan J. *Love in the Time of Communism: Intimacy and Sexuality in the GDR*. London: Cambridge University Press, 2011. 250 p.
- Pinsky A. The Origins of Post-Stalin Individuality: Aleksandr Tvardovskii and the Evolution of 1930s Soviet Romanticism // *The Russian Review*. 2017. № 76 (July). Pp. 458–483.
- Smolkin V. *A Sacred Space is Never Empty: A History of Soviet Atheism*. New Jersey: Princeton University Press, 2018. 360 p.
- Soboleva M. The Concept of the «New Soviet Man» and its Short History // *Canadian-American Slavic Studies*. 2017. Vol. 51. № 1. Pp. 64–85.
- Soviet Modernity: Stephen Kotkin and the Bolshevik Predicament // *Contemporary European History*. May 2014. № 23/2. Pp. 167–192.
- Waldstein M. *The Soviet Empire of Signs: A History of the Tartu School of Semiotics*. Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Müller, 2008. 219 p.

REFERENCES

- Aleksievich S.A. *Vremya sekond khend* [Second hand time]. Moscow: Vremya, 2013. 510 p. (in Russian).
- Bikbov A.T. *Grammatika poryadka: Istoricheskaya sotsiologiya ponyatii, kotorye menyayut nashu real'nost'* [Grammar of Order: A Historical Sociology of Concepts That Change Our Reality]. Moscow: Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2014. 432 p. (in Russian).

Volkov Yu.G. *Vsestoronne razvitaya lichnost' kak kategoriya nauchnogo kommunizma* [omprehensively developed personality as a category of scientific communism]. Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Rostov-na-Donu, 1973. 20 p. (in Russian).

State Archives of the Russian Federation (GARF). F. R-9547. Inv. 1. D. 2519.

GARF. F. R-9547. Inv. 1. D. 3940.

Zinov'ev A.A. *Gomo soveticus* [Homo sovieticus]. Moscow: Mosk. rabochii, 1986. 412 p. (in Russian).

Ivanova A.S. *Magaziny "Berezka": paradoksy potrebleniya v pozdnem SSSR* [Shops "Berezka": paradoxes of consumption in the late USSR]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 297 p. (in Russian).

Il'inich K.M. *Narodnye universitety na sele* [People's universities in the countryside]. Gor'kii: Volgo-Vyat. kn. izd-vo, 1965. 88 p. (in Russian).

Kovalev A.G. *Lichnost' vospityvaet sebya. Seriya Lichnost'. Moral'. Vospitanie* [The personality educates itself. Series Personality. Morality. Upbringing]. Moscow: Politizdat, 1983. 256 p. (in Russian).

Konstantinov F.V. *Zakonomernosti formirovaniya vsestoronne razvitoi lichnosti* [Regularities of the formation of a comprehensively developed personality], in *Filosofiya i sovremennost'. K 75-letiyu laureata Gosudarstvennoi premii akademika Marka Borisovicha Mitina* [Philosophy and modernity. On the occasion of the 75th anniversary of the laureate of the State Prize, Academician Mark Borisovich Mitin]. Moscow: Nauka, 1976. 247 p. (in Russian).

Ordена Lenina Vsesoyuznoe obshchestvo "Znanie": kratkie svedeniya [Order of Lenin All-Union society "Knowledge": brief information]. Moscow: [S.n.], 1978. 15 p. (in Russian).

Russian State Archives of Contemporary History (RGANI). F. 5. Inv. 73. D. 251.

Sovetskii prostoi chelovek: Opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 90-kh [The Soviet Common Man: The Experience of Social Portrait at the Turn of the 90s]. Ed. by Levada Yu.A. Moscow: Mirovoi okean, 1999. 299 p. (in Russian).

Central State Archives of the Moscow Region (TsGAMO). F. P-1152. Inv. 1. D. 64.

Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos': poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever, until it ended: the last Soviet generation]. Moscow: NLO, 2014. 661 p. (in Russian).

Bren P. *The Greengrocer and His TV: The Culture of Communism after 1968 Prague Spring*, Ithaca, NY: Cornell University Press, 2010. 264 p.

Chernyshova N. *Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era*. London: Routledge, 2013. 280 p.

Clark K. *Moscow the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941*. Cambridge, Mass.; London: Harvard univ. press, 2011. 420 p.

Fürst Ju. "Friends in Private, Friends in Public: the Phenomenon of the Kompaniia Among Soviet Youth in the 1950s and 1960s, in *Borders of Socialism: Private spheres of Soviet Russia*. Ed. by L. Siegelbaum. New York; Basingstoke, Hants.: Palgrave Macmillan, 2006. Pp. 229–249.

- Ghodsee K. *Why Women Have Better Sex Under Socialism: And Other Arguments for Economic Independence*. NY: Bold Type Books, 2018. 240 p.
- Halfin I. *From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia*. Pittsburgh (Pa): Univ. of Pittsburgh press, 1999. 474 p.
- Hanson S.E. *Time and Revolution: Marxism and the Design of Soviet Institutions*. North Carolina: University of North Carolina Press, 1997. 276 p.
- Hellbeck J. *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. London: Harvard university press, 2006. 436 p.
- Jones P. *Revolution Rekindled: The Writers and Readers of Late Soviet Biography*. New York: Oxford University Press, 2019. 296 p.
- Kharkhordin O. *The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices*. Berkeley: University of California Press, 1999. 406 p.
- Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995. 639 p.
- Kozlov V. *Mass Uprisings in the USSR: Protest and Rebellion in the Post-Stalin Years*. New York, London: Sharpe, 2002. 351 p.
- Krylova A. The tenacious liberal subject in Soviet studies, in *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. No. 1(1). Pp. 119–146.
- Lipovetsky M. The Poetics of ITR Discourse: In the 1960s and Today, in *Ab Imperio*. 2013. No. 1. Pp. 109–139.
- McLellan J. *Love in the Time of Communism: Intimacy and Sexuality in the GDR*. London: Cambridge University Press, 2011. 250 p.
- Pinsky A. The Origins of Post-Stalin Individuality: Aleksandr Tvardovskii and the Evolution of 1930s Soviet Romanticism, in *The Russian Review*. 2017. No. 76 (July). Pp. 458–483.
- Smolkin V. *A Sacred Space is Never Empty: A History of Soviet Atheism*. New Jersey: Princeton University Press, 2018. 360 p.
- Soboleva M. The Concept of the “New Soviet Man” and its Short History, in *Canadian-American Slavic Studies*. 2017. Vol. 51. No. 1. Pp. 64–85.
- Soviet Modernity: Stephen Kotkin and the Bolshevik Predicament, in *Contemporary European History*. May 2014. No. 23/2. Pp. 167–192.
- Waldstein M. *The Soviet Empire of Signs: A History of the Tartu School of Semiotics*. Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Miiller, 2008. 219 p.

Статья принята к публикации 15.11.2021

НОВЫЕ СОВЕТСКИЕ ОБЩЕСТВЕННИКИ: ДОНСКОЕ «НЕФОРМАЛЬНОЕ» ДВИЖЕНИЕ И ОБРАЗ ЗАПАДА

Чуев Сергей Владимирович

Финансовый университет при Правительстве РФ,

Москва, Россия

sv_chuev@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена двум тенденциям последних десятилетий существования Советского Союза: созданию «неформального» общественного движения и росту в его рядах симпатий к западному образу жизни. В качестве кейса использован исторический материал одного из крупнейших российских регионов – Ростовской области. В статье проанализированы процессы появления советских самодельных общественных объединений (клубов по интересам, субкультур, музыкальных коллективов) на Дону, их функционирования и взаимодействия с партийными структурами КПСС в советский период. Особое внимание уделено росту числа «неформальных» организаций на Дону в годы перестройки (1985–1991 гг.). Автор считает, что новые советские общественники в значительной степени были симпатизантами Запада, находились под влиянием soft power США и Европы. Образ Запада представителями демократического движения идеализировался и воспринимался без недостатков, что в свою очередь привело к массовому разочарованию в либерально-демократических реформах в начале 1990-х гг. Данные материалы опровергают распространенные стереотипы и мифы о единомыслии, отсутствии гражданского общества в СССР, а также идею исключительной зашоренности, закрытости и враждебности внешнему миру советских граждан.

Ключевые слова: перестройка, «неформалы», «неформальное» движение, демократы, Запад, советское общество.

Цитирование: Чуев С.В. Новые советские общественники: донское «неформальное» движение и образ Запада // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 4. С. 263–272. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-263-272 / Chuev S.V. New Soviet Social Activists: The Don “Informal” Movement and the Image of the West, in Novoe Proshloe / The New Past. 2021. No. 4. Pp. 263–272. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-263-272.

© Чуев С.В., 2021

NEW SOVIET SOCIAL ACTIVISTS: THE DON “INFORMAL” MOVEMENT AND THE IMAGE OF THE WEST

Chuev Sergey V.

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia
sv_chuev@mail.ru

Abstract. This article is devoted to two trends of the last decades of the Soviet Union: the creation of an “informal” social movement and the growth in their ranks of sympathy for the Western way of life. The historical material of one of the largest Russian regions, the Rostov Region, was used as a case study. The article analyzes the processes of the emergence of Soviet amateur public associations (interest clubs, subcultures, musical groups) on the Don, their functioning and interaction with the party structures of the CPSU in the Soviet period. Special attention is paid to the growth of the number of “informal” organizations on the Don during the years of perestroika (1985–1991). The author believes that the new Soviet public figures were largely sympathizers of the West, were influenced by the soft power of the USA and Europe. The image of the West by representatives of the democratic movement was idealized and perceived without flaws, which in turn led to massive disillusionment with the liberal democratic reforms in the early 1990s. These materials refute widespread stereotypes and myths about like-mindedness, the absence of civil society in the USSR, as well as the idea of exceptional narrow-mindedness, closeness and hostility to the outside world of Soviet citizens.

Keywords: Perestroika, “informals”, “informal” movement, democrats, the West, Soviet society.

*«Мне все говорят, что я ихнее
общество приукрашиваю.
Что на самом деле оно загнивающее.
Может, конечно, оно и загнивающее.
Но знаешь, хочется уже немного погнить, Федя!
Надоело процветать, правда?»*

Из монолога Е.В. Петросяна «Не плачь, Федя!»,
автор М.Н. Задорнов, 1989 г.

В современной публицистике существует распространенный миф, воспроизводящий с негативным значением официальный идеологический шаблон прошлых лет об идейном единстве советского народа. Согласно такой позиции, «тоталитарное» общество Советского Союза являлось идеологически монолитным и единомыслящим, развивающимся исключительно в контексте партийных поручений КПСС и в установленных «сверху» рамках. Соответственно, никакой речи о существовании гражданского общества в СССР быть не могло. Такого рода выводы можно сделать при бездумном использовании шаблонов западной политологии применительно к изучению специфического советского общества [Фурсов, 2014]. Исторические и социологические исследования доказывают упрощенность вышеуказанного подхода, его идеологическую ангажированность [Шубин, 2006; Шубин, 2008]. Реальность такова, что в Советском Союзе, помимо официальных общественных институтов социализации (пионерия, комсомол, женсоветы, профобъединения и проч.), преследуемых властями диссидентских и правозащитных объединений [Алексеева, 2001], существовало большое количество разноплановых общественных структур. Элементы советского гражданского общества действовали дифференцировано: самостоятельно, автономно и без оглядки на партийные органы – или, напротив, активно взаимодействовали с правящим классом, чтобы продвинуть свои идеи, добиться необходимых решений.

В Ростовской области в послевоенные годы, помимо многочисленных объединений по интересам (любители спорта, сторонники ЗОЖ, йоги, садоводы, пчеловоды и прочие), существовали и субкультуры (стиляги, джазисты, рокеры и так далее). С 1960-х гг. на Дону появляются первые рок-группы («Голубые тени», «Утренняя роса», «Неудачники», «Малыш и братья», «Корда»). Крупнейшим событием ростовских рокеров стала организация первого в СССР рок-фестиваля 9 мая 1969 года на Левбердоне, в котором, по некоторым оценкам, приняло участие около двух тысяч человек [Фестиваль]. С начала 1980-х гг. на Дону действовал литературный клуб «Заозерная школа поэзии», который объединял «непечатных» авторов и любителей их творчества [Елдинов, 2017]. С конца 1970-х гг. заметны были творческий союз «ЭТО» (Эстетика. Творчество. Общение.), действовавший на базе ростовского Дворца пионеров, и бардовский клуб самодетельной песни «Эхо планеты» [Чуев, 2020, с. 231–245]. Интересные факты из жизни общественности Дона 1970–1990-х гг. собраны в интернет-сообществе филолога и историка Анны Бражкиной «Неизвестный Ростов» [Сообщество]. Одним словом, общественно-культурная жизнь

нестоличного Дона была не только «запрограммирована рамками партийных указаний», но и имела самостоятельную составляющую в которой немалую роль играло желание выйти за вышеуказанные границы, «познать запретное». Конечно, активность в такого рода объединениях порой создавала их участникам немало проблем, но тем не менее, было бы несправедливо игнорировать существование такого рода организаций и упрощать реальность советской общественной жизни.

В деятельности вышеуказанных структур немалую роль играло очарование западной культурой. Что, в свою очередь, ставит под сомнение еще один распространенный миф о том, что закрытость советского общества наряду с идеологическим партийным диктатом, навязывающим мысль о враждебном окружении, привели к формированию настороженного отношения гражданк внешнему миру. Напротив, многочисленные наблюдения демонстрируют обратные тенденции. В последние два-три десятилетия существования советской власти в обществе лавинообразно нарастало влияние западной soft power, под очарование которой попал даже высший слой отечественной партийно-государственной управленческой элиты [Горбачев, 1995]. Зарубежный образ жизни, «фирменные» импортные вещи, продукты массовой культуры (кино, поп- и рок-музыка), высокотехнологичные продукты (например, аудио и видеотехника) были привлекательными для значительной части советских граждан, которые готовы были рисковать своей карьерой и даже свободой ради обладания западными атрибутами. В середине 1980-х гг. на Дону было заведено несколько уголовных дел в организации «Совтрансавто-Ростов», осуществлявшей зарубежные перевозки. Руководители брали взятки с водителей за возможность выехать за границу, где можно было приобрести импортные товары (магнитофоны, радиоприемники, электробритвы, одежду и прочее) [Чуев, 2020, с. 141–150]. А будущий основатель «Глория Джинс», крупнейшей российской компании, выпускающей одежду для детей и подростков, Владимир Мельников в конце 1970-х гг. был осужден за фарцовку джинсовыми изделиями и удостоен разоблачительной статьи в сборнике областного управления КГБ «Чекисты Дона»: «На протяжении нескольких лет они (Мельников и сообщники. – С. Ч.) в городах Ростове-на-Дону, Ленинграде, Новороссийске, Сочи, Туапсе скупали у иностранных туристов доллары, фунты, марки, кроны, лиры, перепродавали их по ценам черного рынка, получая немалые барыши. Приобретали дефицитные вещи... спекулировали купленным по дешевке у тех же туристов заграничным барахлом. Они продавали не только иностранные тряпки и иностранные деньги, а торговали своим гражданским достоинством» [Чекисты, 1980]. Нужно сказать, что западная soft power проникала в советское общество и по вполне легальным каналам. Так, например, европейские (прежде всего французские и итальянские) фильмы, демонстрируемые по центральным каналам советского телевидения, убедительно демонстрировали отличия в качестве жизни между жителями страны развитого социализма и государств Запада. Товары на экспорт, производимые отечественной промышленностью, готовились особенно тщательно, а импортные изделия считались априори модными и качественными. Советская цензура почему-то смотрела сквозь пальцы на повсеместное распространение латиницы. Так, например, правилом хорошего

тона в восьмидесятые годы было оформление пластинок советских исполнителей на английском языке. Подобных примеров можно приводить сотни и тысячи. Такие сюжеты по мнению Джозефа Ная, автора концепции «мягкой силы», подорвали веру жителей СССР в успех социалистического проекта развития, что привело в конечном итоге к его краху [Най, 2006, с. 109–112].

Распространение в советском обществе самоуправляющихся гражданских структур и проникновение западной *soft power* в наибольшей степени реализовали себя в финальной части существования СССР. Двум этим тенденциям был дан импульс «сверху».

С одной стороны, прорабы перестройки активно способствовали созданию нового поколения общественных объединений, которые должны были сыграть роль базы поддержки кардинальных преобразований советского общества, чтобы «насытить дыханием масс» курс реформ. Однако советское общество, получив «зеленый свет», отреагировало ростом числа не только политических, но и самых разнообразных объединений по интересам (металлисты, брейкеры, любители фантастики, разнообразные фанаты, любители восточных единоборств, эзотерики, качки, фарцовщики и проч.). В молодежной среде эти процессы проходили более заметно. Участники такого рода формирований нередко использовали отличающиеся от преобладающего традиционного стиль поведения, мышления, особенности языка, что обычно свойственно субкультурам [Криминологи..., 1990]. Нужно сказать, что первые шаги движения по возрождению казачества на Дону органично вписываются в общую логику функционирования нового поколения общественных организаций последних лет советской эпохи. Со второй половины 1980-х гг. активизируется религиозная жизнь, в том числе и деятельность зарубежных объединений. За этими структурами (дискуссионными площадками, сообществами, кружками) закрепился термин «неформальное» движение, то есть незаформализованное, самодеятельное, автономное. Партийное руководство региона противоречиво оценивало рост новых общественных структур. С одной стороны, активно содействовало созданию ряда объединений и благосклонно воспринимало их рост как результат демократизации. С другой – выражало беспокойство относительно неуправляемости «процесса, который пошел», и отмечало «несоответствие состояния идеологической работы требованиям времени», что было вполне объективной оценкой. «Виновными» были назначены официальные творческие объединения (Союз композиторов, Союз писателей, журналистское сообщество и др.), которые «оказались беспомощны перед стихией». Секретарь обкома КПСС, заведующий идеологическими вопросами Л.А. Иванченко на июньском (1987 г.) пленуме обкома отметил: «Там, где художественная интеллигенция по-деловому не возглавляет работу формальных организаций, там появляются “неформальные”, но, как правило, идейно вредные и провокационные» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 156, д. 940, с. 27].

Основная масса «неформальных» объединений была далека от политики. Так, ученые В.Н. Березовский и Н.И. Кротов определяют долю политизированных следующей величиной – не более 10% от общего числа [Березовский, Кротов, 1990, с. 4]. Хотя

есть и другие оценки – на Дону, по мнению А.К. Мамитова, доля политизированных неформалов в 1988–1989 гг. доходила до 50%. Автор аргументирует это тем, что в провинцию «неформальная волна» пришла на 1,5–2 года позже [Мамитов, 1995, с. 76]. Очевидно, что такой широкий диапазон оценок зависит прежде всего от того, кого авторы включают в число «неформалов», а кого – нет.

Следует подчеркнуть, что существенная часть политизированных «неформальных» объединений Дона имела ярко выраженную либерально-демократическую и прозападную направленность. В публицистике в этой связи их часто называют демократическим движением, хотя по понятным причинам рамки демдвижения не могли быть замкнуты исключительно на сторонниках этой идеологической направленности. В первые годы перестройки «неформалы», озвучивающие либерально-демократические требования, считались экстремистами и внесистемной оппозицией, несущей «чуждые, антисоциалистические, антисоветские» взгляды. Рост числа сторонников западных ценностей стал заметен с 1987–1988 гг. В повестке дня не без усилий Б.Н. Ельцина появляется тематика радикализации (демократизации) перестройки, противодействия «самоуправству властей и судебной системы», соблюдения прав человека. В Ростовской области активно на этой ниве с 1988 г. работала группа «Защита», со второй половины 1989 г. – первая коалиция демократов «Донской народный фронт». Катализаторами роста таких настроений были как заданность политико-экономических реформ, предполагающая очевидную вестернизацию политической системы СССР, так и идеологический дискурс перестроечных лет (горбачевский проект «общеевропейского дома», использование термина «цивилизованные страны мира», выводящего СССР за рамки «цивилизации»). После выборов народных депутатов СССР в 1989 г., создания Межрегиональной депутатской группы либерально-демократический и прозападный идейный вектор еще более усилился. Запад не только перестал быть идеологическим врагом, но, напротив, превратился в ориентир и мерило, а параллельно в рядах «неформалов» росли протестные настроения в адрес КПСС, советской политической системы.

Участники демократического движения, будучи как субъектами, так и объектами стереотипизации и мифологизации, активно распространяли упрощенные модели изображения жизни в СССР и на Западе [Чуев, 2017, с. 88–163]. Демократы активно боролись с привлекательными образами всего советского, навешивали негативные ярлыки на каждого, кто защищал существовавшую систему или социалистический строй («совки», «партократы», «номенклатура» и пр.). С другой стороны, они сами попадали под очарование «демократии», «шведского социализма», «Ельцина», «свободного рынка», идеализированная информация о которых была почерпнута, как правило, из книг и статей. Самый заметный ростовский народный депутат СССР демократической ориентации В.Н. Зубков в своих выступлениях умело сочетал обе эти тенденции: «Сегодня выбор может быть только один. Вперед от феодального мрака полицейского социализма к свободному рынку. Да и какая разница, как называется та жизнь, в которой все люди живут хорошо. А раз так – выбираем Б. Ельцина и его команду!» [Комсомолец, 1991].

Идеал общественно-политической и экономической модели существенной части демократического движения можно было описать простой формулой: «как на Западе». Наиболее последовательными проводниками этой политической линии были сторонники Демократической партии России, организаторский костяк регионального отделения которой составили лидеры Донского народного фронта (А.В. Клименто, И.Ф. Придача, В.К. Распопов, Г.С. Эскин). Чуть более умеренную позицию занимали представители Республиканской партии Российской Федерации (В.П. Макаренко, В.И. Новакович, Б.М. Титенко, Р.Н. Гришечкина), Социал-демократической партии России (А.П. Шевцов).

Образ Запада, демократии, капитализма по большей части воспринимался весьма поверхностно, был лишен недостатков, что после начала рыночных реформ привело к многочисленным разочарованиям перестроечных «неформалов» и демократов. Первые результаты гайдаровской «шоковой терапии» не один раз раскололи ростовскую региональную «Демократическую Россию» (В.Т. Складенко, В.П. Макаренко, В.П. Зинкин) и входящие в ее состав партийные объединения. Ряд народных депутатов РСФСР (например, В.Н. Мягих, Ю.А. Сидоренко, Е.А. Тарасов, В.З. Юшкевичус), избранных на прозападной либерально-демократической волне, в 1992–1993 гг. стали решительными критиками действий российского правительства и Президента РФ, реализующих рыночные преобразования. Евгений Лель (Буц), один из активных участников донского демократического движения конца 1980-х гг., после эмиграции в США стал диссидентствовать и на Западе. Многие донские демократы лишь спустя годы осознали, что перестроечный, обновляющийся Советский Союз, с которым они отчаянно сражались, был существенно ближе к Европе, чем постсоветская Россия.

Все вышеперечисленное подсказывает одну мысль — либерально-демократическое общественно-политическое движение симпатизирующих Западу (а в этих рядах были не только «неформалы», демократы, но и заметное число работников госаппарата и обновляющейся КПСС) было советским как по происхождению, так и по духу. Восприятие западных ценностей донскими демократами велось сквозь искажающую призму советского опыта, воспитания и образования. Запад, невзирая на многолетнюю советскую контрпропаганду эпохи «холодной войны», представлялся как идеальный мир, к которому следует стремиться. Демократизация, рыночные реформы, отказ от парадигмы «холодной войны» казались пропуском в этот желанный мир. Поэтому когда в чем-то наивное, в чем-то романтическое, в чем-то отвергающее собственные национальные интересы и исторический опыт стремление отечественных демократов стать частью западного мира натолкнулось на первые трудности перехода к рынку, откровенное нежелание Запада интегрировать Россию в свои политические и экономические международные институты [Авен, 2019], а также склонность осуществлять разговор с новой Россией с позиции «победителя в холодной войне» случился первый кризис веры в картину мира к которой стремились многие участники нового общественного движения конца 1980–начала 1990-х гг. Советские сторонники либерально-демократических

ценностей ориентировались на большую степень транспарентности и доверия западному миру, чем тот оказался готов им предложить. В итоге, очарование Западом сменилось разочарованием в либерально-демократической системе ценностей и кризисом прозападных общественно-политических сил, которое мы наблюдаем и в настоящее время.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Авен П. Революция Гайдара: история реформ 90-х из первых рук. М.: Альпина Паблишер, 2019. 439 с.

Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М.: ЗАО РИЦ «Зацепа», 2001. 382 с.

Березовский В.Н., Кротов Н.И. Неформальная Россия. М.: Молодая гвардия, 1990. 380 с.

Горбачев М.С. Жизнь и реформы. В двух книгах. М.: Изд-во «Новости», 1995.

Елдинов О.А. Неформальное демократическое движение в пространстве публичной политики 1985–1993 гг. (на примере г. Ростова-на-Дону) // *Научная мысль Кавказа*. 2017. № 3. С. 48–56.

Комсомолец. Наше время. 1991. № 96. 22 мая.

Криминологи о неформальных молодежных объединениях. М.: Юрид. лит., 1990. 272 с.

Мамитов А.К. Формирование многопартийности в России (1987–1993 гг.): региональный аспект. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1995. 245 с.

Най Дж.С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск: НСПИ «Тренды», 2006. 224 с.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 156. Д. 940.

Сообщество «Неизвестный Ростов». URL: <https://rostov-80-90.livejournal.com> (дата обращения – 12 ноября 2021 г.).

Фестиваль, состоявшийся 9 мая 1969 года, получил название «Вудсток-на-Дону». URL: <https://kg-rostov.ru/city/stories/vudstok-nash/> (дата обращения – 12 ноября 2021 г.).

Фурсов А.И. Советская система и нищета политологии (СССР сквозь призму некоторых политических схем) // *Знание. Понимание. Умение*. 2014. № 4. С. 81–98.

Чекисты Дона. Очерки. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1980. С. 105–110.

Чуев С.В. Перестройка 1985–1991 гг. на Дону: лица, события, исторические итоги. [Б.м.]: Издательские решения, 2020. С. 231–245.

Чуев С.В. Политические менеджмент. Коммуникативные технологии. М.: Изд-во Юрайт, 2017. С. 88–163.

Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М.: Вече, 2008. 384 с.

Шубин А.В. Преданная демократия. СССР и неформалы (1986–1989). М.: Издательство «Европа», 2006. 344 с.

REFERENCES

Aven P. *Revolyutsiya Gaidara: istoriya reform 90-kh iz pervykh ruk* [Gaidar's Revolution: A First-hand History of the Reforms of the 90s]. Moscow: Al'pina Publisher, 2019. 439 p. (in Russian).

Alekseeva L.M. *Istoriya inakomysliya v SSSR. Noveishii period* [History of dissent in the USSR. The newest period]. Moscow: ZAO RITs "Zatsepa", 2001. 382 p. (in Russian).

Berezovskii V.N., Krotov N.I. *Neformal'naya Rossiya* [Informal Russia]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1990. 380 p. (in Russian).

Gorbachev M.S. *Zhizn' i reformy. V dvukh knigakh* [Life and Reforms. In two books]. Moscow: Izd-vo "Novosti", 1995. (in Russian).

Eldinov O.A. Neformal'noe demokraticeskoe dvizhenie v prostranstve publichnoi politiki 1985–1993 gg. (na primere g. Rostova-na-Donu) [Informal Democratic Movement in the Space of Public Policy 1985–1993], in *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2017. No. 3. Pp. 48–56 (in Russian).

Komsomolets. *Nashe vremya*. 1991. No. 96. 22 maya .

Kriminologi o neformal'nykh molodezhnykh ob"edineniyakh [Criminologists about informal youth associations]. Moscow: Yurid. lit., 1990. 272 p. (in Russian).

Mamitov A.K. *Formirovanie mnogopartiinosti v Rossii (1987–1993 gg.): regional'nyi aspekt* [Mamitov A.K. Formation of a multi-party system in Russia (1987–1993): a regional aspect]. Dis. ... kand. ist. nauk. Rostov-na-Donu, 1995. 245 p. (in Russian).

Nai Dzh.Pp. *Gibkaya vlast': kak dobit'sya uspekha v mirovoi politike* [Flexible Power: How to Succeed in World Politics]. Novosibirsk: NSPI "Trendy", 2006. 224 p. (in Russian).

Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 17. Inv. 156. D. 940.

Soobshchestvo "Neizvestnyi Rostov" [Community "Unknown Rostov"]. Available at: <https://rostov-80-90.livejournal.com> (accessed 12 November 2021).

Festival', sostoyavshiysya 9 maya 1969 goda poluchil nazvanie "Vudstok na Donu" [The festival, which took place on May 9, 1969, was named "Woodstock on the Don"]. Available at: <https://kg-rostov.ru/city/stories/vudstok-nash/> (accessed 12 November 2021).

Fursov A.I. *Sovetskaya sistema i nishcheta politologii (SSSR skvoz' prizmu nekotorykh politicheskikh skhem)* [The Soviet system and the poverty of political science (USSR through the prism of some political schemes)], in *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2014. No. 4. Pp. 81–98 (in Russian).

Chekisty Dona. Ocherki [Don Chekists. Essays]. Rostov-na-Donu: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1980. Pp. 105–110 (in Russian).

Chuev S.V. *Perestroika 1985–1991 gg. na Donu: litsa, sobytiya, istoricheskie itogi* [Perestroika 1985–1991 on the Don: faces, events, historical results]. [S.i.]: Izdatel'skie resheniya, 2020. Pp. 231–245 (in Russian).

Chuev S.V. *Politicheskie menedzhment. Kommunikativnye tekhnologii* [Political management. Communication technologies]. Moscow: Izd-vo Yurait, 2017. Pp. 88–163 (in Russian).

Shubin A.V. *Dissidenty, neformaly i svoboda v SSSR* [Dissidents, informals and freedom in the USSR]. Moscow: Veche, 2008. 384 p. (in Russian).

Shubin A.V. *Predannaya demokratiya. SSSR i neformaly (1986–1989)* [Devoted democracy. USSR and informals (1986–1989)]. Moscow: Izdatel'stvo "Evropa", 2006. 344 p. (in Russian).

Статья принята к публикации 15.11.2021